

Кир БУЛЫЧЕВ

ПОКУШЕНИЕ
НА ТЕСЕЯ

ОТЦЫ - ОСНОВАТЕЛИ

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ЭКСМО

ИнтерГпол

Кир Булычев

Покушение на Тесея

«ЭКСМО»

1993

Булычев К.

Покушение на Тесея / К. Булычев — «Эксмо»,
1993 — (ИнтерГпол)

ISBN 5-699-14058-1

Эту книгу сам Кир Булычев называл самым смешным своим сериалом!..Как вы полагаете, в кого превратилась бы выросшая Алиса? Более или менее – в героиню "Галактической полиции". И – скорее более, чем менее. Перед читателем приключения галактической полис-леди – своеобразной "выросшей Алисы". Приключение невероятное, опасное и – искрометно-смешное. Потому что не может быть смешной попытка спасения от многочисленных покушений наследника престола одной из далеких планет, скрывшегося в Древней Греции под видом героя Тесея! Это – веселые кентавры и гнусный Минотавр. Это – гордые полубоги и безумные завороты, и навороты виртуальной реальности. Это – фантазия в свободном полете и блистательное воображение Кира Булычева без границ!

ISBN 5-699-14058-1

© Булычев К., 1993

© Эксмо, 1993

Кир Булычев

Покушение на Тесея

У агента ИнтерГалактической полиции Кору Орват был двухлетний племянник. Кора обещала связать ему варежки. Для этого она еще в пятницу слетала в Боливию и купила там чудесной шерсти альпака. Альпака, как известно, одомашненный гибрид викуньи и гуанако.

В субботу с утра Кора собрала сумку, чтобы отправиться в родную деревню к бабушке Насте и там, в тишине, попивая парное молоко, связать эти варежки-лапушки.

Хотя в сумке лежало все, что может пригодиться в деревне в выходные дни, Кора вдруг вспомнила, что хотела перечитать «Записки» Марка Аврелия и освежить таким образом заржавевший от неупотребления латинский язык. Она перешла в гостиную, чтобы отыскать книгу.

И тут почувствовала, что в гостиной кто-то есть.

Странное присутствие.

Нечеловеческое. Чуждое, почти неосязаемое.

Кора провела правой рукой по бедру и нахмурилась – она не взяла с собой бластера, когда собиралась к бабушке.

Бежать? Скрыться? Известными ей пещерами уходить за реку?

– Не спеши, Кора, – раздался глуховатый низкий голос комиссара Милодара.

Комиссар стоял посреди гостиной и деловито оглядывался.

– Где брала обивку на диван? – спросил он, так как знал о своих агентах все. В частности, помнил, что Кора только на той неделе закончила ремонт квартиры. Сам же Милодар намеревался жениться, хотя это было тайной.

– Присаживайтесь, шеф, – произнесла Кора. – В ногах правды нет.

– Спасибо, постою, – улыбнулся комиссар, и Кора поняла, что к ней пожаловал не сам Милодар, а его голограмма – вот почему она так странно ощущала его появление в квартире!

Комиссар осторожно прислонился спиной к чучелу полосатого медведя, которого Кора в прошлом году голыми руками одолела на Цукарке.

– Кофе я вам не предлагаю, – сказала Кора.

– Не надо, тороплюсь, – ответил комиссар. – Я хотел вас пригласить на стадион.

– Не сходите с ума, шеф. Через десять минут я улетаю в деревню к бабушке Насте.

– С какой целью, если не секрет?

– Отдохнуть два дня на свежем воздухе и связать варежки моему племяннику Герасику.

– Чудесно, – откликнулся комиссар. Добрая улыбка тронула его лицо – морщинки побежали по загорелой коже от голубых глаз, крепкие белые зубы сверкнули под лучом полуденного солнца. Милодар убрал со лба седую прядь – другого седина бы старила, а комиссар казался еще мужественнее. – Чудесно, – повторил он. – Ни в какую деревню ты не поедешь. Мы с тобой идем на стадион «Уэмбли».

– Комиссар, сейчас не время шутить!

– Шутить всегда есть время, – парировал комиссар. – Мужчина сразу бы спросил, на какой матч идем. Тебя же это не интересует.

– Я не играю в футбол. Я не смотрю футбол, я не выношу футбол!

– Считай, что ты на службе и выполняешь особо важное задание!

– И не подумаю.

– Ты уволена из ИнтерГпола!

– Я давно мечтала уйти из вашей замшелой организации!

– Кора, я достал для твоей бабушки семена тыквы обыкновенной и морковки «Бура-тино». Помнишь, она просила?

– Комиссар, вы старый лицемер, хитрец и обманщик. Где семена?

– Сразу после матча.
– Что это за матч?
– Вот уже лучше, дружок, уже теплее!
– Говорите же!
– Россия – Аргентина, финал Кубка мира.
– Разве это сегодня?
– Ты далека от футбола, крошка.
– Не терплю такого обращения.
– Иного не заслужила. Агент ИнтерГпола обязан, понимаешь, обязан знать некоторые элементарные вещи. Например, сумму чисел два и два, число «пи», дату и исход матча Россия – Аргентина в финале Кубка мира. И кое-что еще...

– Семена с вами?

Голограмма похлопала себя по груди.

– Может, все же вы мне сообщите, зачем меня туда тащите? Наверное, кто-нибудь из юных сотрудников сектора мечтал бы очутиться на моем месте?

– Конечно.

– И билет на матч стоит немалых денег.

– Безусловно.

– Так скажете?

– Ни в коем случае.

– Почему?

– Потому что я намерен поручить тебе дело, специфика которого определяется исходом финального матча на Кубок мира по футболу.

– Я убью вас, комиссар, – сообщила Кора и, подняв с пола кочергу для камина, направилась к Милодару, чтобы привести угрозу в исполнение.

Он непроизвольно отступил, когда Кора замахнулась. Протянутая вперед лапа медвежьего чучела проткнула голограмму и высунулась из груди комиссара. Зрелище было кошмарное.

Кора бросила кочергу и заявила:

– Как жаль, что вы не настоящий, комиссар.

Милодар наконец-то заметил, что из его груди торчит медвежья лапа с растопыренными когтями, и шагнул вперед.

– На стадионе я буду самый настоящий. Таковы правила.

Милодар известен в организации тем, что всегда нарушает любые правила.

* * *

Вход на стадион «Уэмбли-2» располагается в районе станции метро «Спортивная». Туда ходят специальные составы от «Парка культуры», «Сокольников» и «Лубянки». Их подают заранее до начала матча, и на платформах уже толпится разномастный народ – истинные футбольные болельщики. Но что творилось в тот, уже месяц ожидавшийся, день финала – трудно описать! Фантастически разбогатели продавцы свистков, козырьков от солнца или дождя, различных напитков и прочих мелочей.

Поезда с крупными надписями над передним стеклом «Стадион «Уэмбли» вылетали в ярко освещенный зал станции пустыми, полутемными, и в то мгновение, когда раздвигались их двери с простыми надписями: «Не прислоняться!», внутри загорались лампы, и толпы болельщиков, еще спокойных, еще мирных, вливались в вагоны, заполняя их до полного добродушного отказа. Вагоны в мгновение ока пропитывались сложным запахом табака, перегара, машинного масла, пота и ваксы, но тут поезд мягко брал с места и разгонялся, все быстрее

мчась внутрь туннеля, и запахи вылетали через открытые сверху окна вагона и оставались в темноте перегона.

Болельщики, как бы проникаясь общим духом, пытались запевать песни своей молодости. Они вели себя так, будто старались соблюдать правила игры, которые Коре, прижатой толпой к Милодару, были неизвестны. Более того, ее, как опытного агента ИнтерГпола, смущало и почти пугало то, что Милодар впервые на ее памяти так близко появился рядом во плоти, – она ощущала его руки, грудь, частое дыхание, жесткий ус щекотал ей щеку.

– Мне и самому не по себе, – признался он шепотом, лаская губами ее ухо. – Наверное, мне пора жениться.

Самое время помечтать об этом!

Комиссар Милодар был завидной партией и давнишним женихом, на которого по правилам, а то и без правил охотилось несколько тысяч красавиц и дурнушек Галактики. Может быть, утверждали злые языки, он и придумал для себя правило безопасности: нигде и никогда не появляться во плоти, потому что боялся похищения. На некоторых планетах выращивают смелых и беспринципных девиц, готовых украсть и обесчестить понравившегося ей мужчину. Лишь узкий круг ответственных сотрудников ИнтерГпола и, может быть, самые близкие друзья знали, что Милодар был уже женат, но, к сожалению, под оболочкой прекрасной девушки скрывалось не очень привлекательное существо с одной дальней планеты, которое таким образом рассчитывало шантажировать Милодара и проникнуть в наши секреты. Нет, не опасность для страны превратила комиссара в безнадёжного холостяка, а искренняя любовь к оболочке врага, сделанной так искусно! Он любил ее до сих пор и до сих пор хранил объемные фотографии своей первой жены, хотя ее настоящие щупальца и жвалы давно уже гниют на одном отдаленном кладбище в поясе Астероидов.

Правда, недавно Милодар заинтересовался синхронным плаванием и не пропускал ни одного состязания, в котором участвовали близнецы Джульетта и Макбетта Жилины. Но кем из них он заинтересовался и кто из них подарил ему защипку для носа, оставалось тайной даже для Кору.

Поезд мчался к своей цели, не останавливаясь на некоторых станциях и действуя по своим законам, ибо у него была цель – привезти свою партию, свою тысячу болельщиков на «Уэмбли-2», – и никого не интересовало, каким способом он добьется своей цели.

Кто-то начал ритмично бить в ладоши. Та-та, та-та-там! И в вагоне подхватили; и даже Кора знала значение этих хлопков и топая по полу, древний как мир клич: «Спар-так» – чем-пи-он!»

Вагон раскачивался, болельщики топали и хлопали, разжигая себя. Милодар, воспользовавшись необычной ситуацией, гладил бедра Кору. К счастью, было так тесно, что ему приходилось заодно гладить бедра других болельщиков, за что в конце концов ему досталось от рыжего кривоногого соседа, который даже в этой тесноте умудрился врезаться как следует в скулу комиссару и сказать наставительно:

– Мы здесь не по этой части.

– Уничтожь его! – прошипел комиссар. В ИнтерГполе есть закон: комиссары и суперкомиссары сами никогда не совершают насильственных действий. Они призывают агентов.

– А я с ним согласна, – сказала Кора. – Мы с ним здесь не по этой части.

– Ты какую такую часть имеешь в виду? – обиделся комиссар.

Но ответить Кора не успела, потому что поезд начал тормозить у перрона станции «Стадион «Уэмбли-2».

Далее толпа понесла их, приходилось лишь переставлять ноги, чтобы не упасть, а то затопчут и не заметят.

Эскалаторы в метро работали только на подъем, и то с трудом справлялись с людским потоком, но никто не роптал, люди даже получали некое удовольствие, предвкушая наслаждение от того, каково им будет в ближайшие два часа.

На улице стало сумрачно – погода изменилась за то время, пока они ехали в метро. Кора отметила этот факт и хотела поделиться им с комиссаром, но тут же забыла о нем.

От станции метро «Спортивная» к «Уэмбли-2» вела широкая асфальтированная дорога, которая проходила под насыпью железной дороги, и тогда перед восхищенными взорами болельщиков открывалась панорама великого стадиона.

Здесь идти было легче – не было такой тесноты.

– Милодар, расскажите мне хоть, что это за матч, – попросила Кора.

– Говори тише, – испугался Милодар. – Вдруг кто-то из болельщиков тебя услышит? Убьют.

– За что?

– За то, что ты занимаешь чужое место. Может быть, из-за тебя на стадион не смог попасть настоящий почитатель российской команды.

– Ну ладно, рассказывайте тихо, – согласилась Кора.

– Сегодня финал первенства мира по футболу две тысячи второго года.

– Какого года? – спросила Кора.

– Две тысячи второго, – ответил Милодар. Что-то шевельнулось в Коре, какое-то сомнение. Что это было?

– Рассказывайте дальше.

– Финальные игры проходят в Лондоне, на стадионе «Уэмбли», – продолжал комиссар, поводя рукой вокруг, и Кора кивнула – она знала, что они приближаются к стадиону «Уэмбли». И что она находится в Лондоне.

– Правда в Лондоне? – спросила Кора.

– Никто не думал, что российская команда дойдет до четвертьфинала. Ведь для этого она должна была вышибить команду Германии. А ты понимаешь!

– Понимаю.

– Мы победили в добавочное время, – сказал Милодар, – и вышли в полуфинал, где встретились с хозяевами турнира – англичанами. Продолжать или ты вспомнила?

– Продолжайте.

– В полуфинале у нас не было никаких шансов. На «Уэмбли» билеты продавались по тысяче фунтов стерлингов.

– А сегодня?

– Сегодня дешевле, – отмахнулся Милодар, которому не терпелось продолжить рассказ. – Матч начался без разведки. Уже на восьмой минуте Джонсон – эта черная торпеда – врезал головой мяч в нижний правый угол. Харитонов был бессилен что-либо сделать.

– Что-то знакомая фамилия, – заметила Кора.

– Еще бы! – отозвался шедший рядом грозного вида мужчина в панамке. – Второго такого вратаря нет в мире. Он же отбил пенальти Марадоны-Джуниора!

– Да погодите, не вмешивайтесь! – обозлился Милодар. – Кто рассказывает? Я или вы?

– Ты, старый, не сердись, – вмешался в разговор тощий кришнаит с грязной косичкой на затылке. – Каждому хочется поделиться. Надо любить людей.

– Не всех! – отрезал Милодар. – У меня, молодой человек, специальность: выяснить, кого следует любить, а кого надо наказывать.

– Вы ошибаетесь, – тихо, но с достоинством ответил кришнаит. – Даже у крокодила есть искренние друзья.

– Крокодилы не бывают преступниками, – возразил Милодар.

– Да вы будете слушать или так пойдем? – рассердился грозный мужчина. – Я хочу рассказать, как Харитонов играл за детскую спортивную школу.

И поскольку никто не знал, как Харитонов играл за детскую спортивную школу, то окружающие замолчали и стали внимательно слушать грозного мужчину, повествующего о болезненном мальчике, которому запрещали даже играть в шахматы, но который однажды убежал от няни, увидел, как тренируется вратарь Черчесов, и навсегда выбрал свой жизненный путь. Тайком от родителей он стал обливаться по утрам ледяной водой и часами висеть на дверном косяке, чтобы укрепить и удлинить мышцы рук.

За этой так и не оконченной историей они подошли ко входу на стадион, но судьбе было угодно, чтобы кришнаит оказался на два места левее Коре в том же ряду. Он помахал ей, как старой знакомой, и протянул сухую кунжутную лепешку. Кора с благодарностью приняла лепешку, хотя комиссар предположил, что она отравленная. Подозрительность была сильной стороной его натуры. С ее помощью он вырывался из совершенно безвыходных ситуаций, так как заранее догадывался об опасности.

Облака закрывали солнце, день был нежарким, как бы специально созданным для ответственного футбольного матча.

Сидеть приходилось тесно – видно, билетов было продано намного больше, чем мест, но никто не жаловался на тесноту; наоборот, она вызывала у всех чувство особой духовной близости, ибо за исключением жалких групп на противоположных трибунах, размахивающих бело-голубыми аргентинскими флагами, остальной стадион был нашим, русским, единым и непобедимым.

На поле выбежал судья – мулат с Тринидада, о чем Коре сообщил сосед справа, состоящий из острых костей пенсионер с армейским биноклем, в кителе без погон, но с многочисленными планками наград.

Вообще проблема мулата с Тринидада, а также двух боковых судей оттуда же волновала наших болельщиков потому, что они могли найти общий язык с аргентинцами. Припугнет их Аргентина своим морским флотом – куда деваться Тринидаду? Поэтому на трибуне над левыми воротами скандировали:

– Три-ни-да-да нам не на-да!

Стражей порядка, включая солдат внутренних войск, вызванных из Тулы, эти крики беспокоили. Они оборачивались в ту сторону, и кое-кто сжимал кулаки, а в кулаках – дубинки.

Стадион зашумел – в правительственной ложе появился Президент, а также некоторые деятели ФИФА и премьер Аргентины – дама мрачной красоты.

Судьи вызвали команды на поле.

Они выбежали параллельными рядами: голубые с белым – аргентинцы и красно-белые – наши, российские.

Стадион неистовствовал, от крика и духоты Коре чуть не стало плохо. Сколько же людей погибнет сегодня от сердца и нервов? – подумала она. Ведь самой-то Коре лишь недавно исполнилось двадцать пять лет, а росту в ней было сто восемьдесят пять сантиметров при гармонично развитом теле, а также совершенной красоте лица. Кора уже прошла в своей жизни просто школу, затем юридический факультет Московского университета и Высшую школу ИнтерГпола, выиграла первенство мира по прыжкам в высоту, вышла замуж, через год рассталась с мужем, пережила эту трагедию, побывала по работе на восемнадцати планетах, трижды меняла погибшее тело, сама убила четверых закоренелых преступников – в общем, была одним из самых ценных агентов ИнтерГалактической полиции.

А вот на стадионе «Уэмбли-2» чуть не упала в обморок.

Ворота бело-голубых были справа, ворота красно-белых – слева.

С первой же минуты наши кинулись в атаку.

Если для аргентинцев проигрыш в этом матче был всего-навсего национальной трагедией, после чего президентша лишалась места, кровавые генералы развязывали террор, футболисты скрывались в изгнании, а трудящиеся массы еще более нищали, то для нас, для России, поражение означало крушение национального престижа. Нам, русским, не нужны вторые места, которые нам все время предлагают. Мы берем или все, или ничего. Так сказал царь Иван Грозный, въезжая во взятый им город Казань верхом на белом коне, а полководец Жуков повторил эти слова, проходя в Берлин под Бранденбургскими воротами. Другими словами, «Тринидада нам не нада»!

Некоторые экономические проблемы вкупе с проблемами национальными и социальными были напрямую связаны с результатами этого матча. Его ждали не только в Москве и Туле, но и в Тбилиси, Улан-Удэ и еще в нескольких горячих точках. Именно этим можно объяснить тот факт, что лондонский стадион «Уэмбли» был на девяносто девять процентов заполнен русскими болельщиками.

Первый удар нанес Первухин.

Это сочетание вызвало на стадионе смех и аплодисменты. Но когда Первухин постарался нанести еще один удар из-за пределов вражеской штрафной площадки, то какой-то хулиганствующий аргентинский защитник нагло сбил его с ног. И вот тогда русских болельщиков охватила тревога, потому что судья с Тринидада, как и следовало ожидать, не назначил не только пенальти, но и банального штрафного удара.

Возмущенно закипевший стадион через некоторое время чуть смягчился, потому что нашим удалась неплохая атака, и лишь завершающий удар Железняк пришелся мимо цели.

Кора, которая не была активной поклонницей футбола, оглядывалась, рассматривала публику и старалась понять, зачем комиссару Милодару понадобилось тратить время и государственные деньги на такое сомнительное развлечение. А так как за простодушными масками комиссара скрывался холодный и даже коварный ум вселенского интригана, Кора буквально вывихнула мозги, стараясь найти решение задачи, и в результате упустила момент, когда в наши ворота влетел глупый, нелепый, случайный и несправедливый мяч.

О несправедливости и случайности гола Кора узнала от Милодара, которого горячо поддерживали соседи по трибуне, особенно сосед справа, локтистый старик с орденскими планками. Тот требовал повтора, чтобы все видели, что гол забит из положения вне игры, к тому же рукой. В бешенстве старик начал молотить кулачком Кору по плечу, и это было больно, но она понимала, что приходится терпеть, потому что ветеран не ведал, что творит.

С трибуны прозвучало несколько выстрелов – солдаты в бронежилетах кинулись по лестницам, чтобы поймать нарушителей порядка, матч на время прервали, и голос по стадиону объявил, что в случае еще хотя бы одного выстрела стадион «Уэмбли-2» деквалифицируется навсегда, а команде России засчитается поражение со счетом 0:3.

Стадион бушевал в бессильной ярости, как дикий зверь, попавший в капкан. Старик справа повторял как заведенный:

– Нет, вы подождите, вы подождите, я сюда вернусь! Только пулемет из дома принесу... А ну, пустите меня за пулеметом!

На этот крик ветерана восторженно отозвались некоторые из соседей, включая, к удивлению Кору, и самого комиссара Милодара, глаза которого сияли зловещим огнем справедливца. Все стали вставать, подвигаться, чтобы ветеран мог поскорее сбегать домой за пулеметом, а Коре повезло – теперь ее правым соседом стал очень мягкий, сонного вида молодой человек в наушниках и с таким отсутствующим выражением лица, словно он пришел не на стадион, а засыпает.

Угрозы лишить русскую команду причитающегося ей выигрыша возымели наконец действие. Виновные были вычислены, выведены со стадиона, и одного из помощников судьи, кото-

рого царапнуло пулей на излете, унесли на носилках и вместо него выпустили запасного, к сожалению, тоже с Тринидада.

Матч продолжался.

Кришнаит протянул Коре еще одну лепешку, завернутую в листок бумаги с номером телефона и предложением встретиться для обсуждения духовных проблем. Милодар, заметив, что Кора читает листок, в мгновение ока выхватил его и сжевал. Кришнаит тихо плакал. На поле кипели страсти, потому что Марадона-Джуниор упал в нашей штрафной площадке и делал вид, что ему сломали ногу. Но кто мог сломать ему ногу, если рядом никого, кроме бело-голубых, и не было! Если кто и сломал ему ногу, то не иначе как аргентинский защитник Хуан Обермюллер, наверное, его дедушка был палачом Освенцима.

Стадион ревел, пытаясь издать доказательством перекупленным тринидадцам, что Марадона-Джуниор сам сломал себе ногу, чтобы заработать пенальти, и даже сломал ее заранее, вчера или позавчера, под общим наркозом.

На беговую дорожку выехали три пожарные машины и начали угрожающе поводить рыльцами шлангов, как бы отыскивая жертвы.

Судья из Тринидада отправился к белой отметке, чтобы показать, откуда он назначает одиннадцатиметровый штрафной удар в наши многострадальные ворота. Марадону-Джуниора унесли, а весь стадион принялся выть, чтобы запугать тринидадского судью. Но, видно, заплатили ему в галактических кредитах, так что разжалобить судью никак не удавалось.

Христофор Кортес, по прозвищу Буэнос-Айрес, вышел к мячу и установил его, не обращая внимания на беспорядочные выстрелы с трибун. Отмахиваясь от пуль железной перчаткой, отошел на десять метров. Наш вратарь Харитонов покачивался, как пантера перед прыжком, и вместе с ним покачивался весь стадион. Даже Кора ощутила ужас перед тем, что сейчас произойдет.

Нарастая, как далекая лавина, и заполняя собой воздух, над стадионом возник и расширился глухой многотысячеглотковый свист.

Коре казалось, что этот свист придавит к траве, расплющит несчастного нападающего аргентинцев, вынужденного, разбегаясь, тащить на себе этот непосильный многотонный груз.

Но тот, выдирая ноги из земли, отчаянно стремясь к мячу, все же добрался до него и ударил, как можно ударить по пудовой гире...

Мяч лениво покатился по траве, с трудом добрался до ворот, и там уже, как следует подпрыгнув, вратарь Харитонов накрыл его телом и замер, словно совершил немыслимый подвиг, прыгнув за мячом на высоту пятиэтажного дома.

Но как воспарил стадион! Как все кричали и веселились, пели и плясали, пили водку, припрятанную в карманах и за пазухой, распевали народные песни.

Удрученный нападающий побрел к центру поля, а наши, словно в них вселился дух войны и победы, ринулись к воротам противника.

Удар Желюбко пришелся в штангу, и она зазвенела, как мачта от попавшего в нее пиратского ядра, Кусюцкий врезал мячом во вратаря, и того пришлось унести с поля, поменяв на нового, молодого и, к счастью, необстрелянного.

Штурм ворот аргентинской команды неизбежно закончился бы голом, если бы не очередная случайность. В то время как защитники аргентинцев бестолково отбивали мяч куда угодно, только подальше от своей штрафной площадки, один из таких случайных ударов послал мяч в ноги Хуана Обермюллера, и этот аргентинец немецкого происхождения совершенно случайно оказался в центре поля в полном одиночестве с мячом в ногах.

Несколько секунд Хуан стоял на месте и раздумывал: послать ли мяч на трибуну или вернуть своему вратарю. Тренер аргентинцев махал ему от кромки поля, внушая дьявольские планы, и внушение достигло цели. Словно нехотя и даже не спеша Хуан побежал к нашим воротам, а наши нападающие, напрасно прождав от него паса или аута, погнались следом. Но

опоздали. Так что Хуан встретился с неосмотрительно выбежавшим из ворот Харитоновым, обогнал его и побежал дальше к воротам. Харитонов бежал за Хуаном Обермюллером, требуя, чтобы тот остановился и перестал хулиганить, наши нападающие и защитники бежали за Харитоновым и клеймили его последними словами, судья тоже бежал за всеми...

Некоторые из болельщиков, что сидели в первых рядах, поняли, чем это безобразие может кончиться, и стали выбираться на беговую дорожку, но тоже не успевали. Снайперы, которые могли бы подстрелить Хуана, к сожалению, истратили боеприпасы раньше, лишь один фоторепортер успел выскочить на поле и упал на пути аргентинца. Но аргентинец, к сожалению, не обратил внимания на этот подвиг и, вкатив мяч в ворота, сам упал туда следом.

– Ну, где же ветераны?! – кричал Милодар. – Где ветераны с пулеметами?

Ветеранов не было. Продажный судья засчитал гол, а герой-фоторепортер поднялся, вытащил мячик из сетки и убежал с ним, давая этим понять, что никакого гола и не было, потому что и мячика не было.

Кришнаит протянул Коре кунжутную лепешку, и Кора заподозрила, что он втайне болеет за аргентинцев. Сосед с другой стороны, в наушниках, сидел, закрыв глаза, и блаженно улыбался. Это был странный человек.

Когда после пятиминутной задержки, в ходе которой солдаты отбивали у болельщиков то, что когда-то было нападающим Хуаном Обермюллером, и уносили в госпиталь, игра возобновилась. На табло горели цифры 2:0 в пользу Аргентины.

До конца первого тайма оставалось несколько минут, и стадион угрюмо шумел, не в силах придумать, чем бы взять этих аргентинцев.

И вдруг откуда-то издалека донесся крик:

– Плюш-кин... Плюш-кин... Плюш-кин...

– Плюш-кин! ПЛЮШ-КИН!

Стадион скандировал это слово, как будто кричал: «Ура!»

– Что это? – спросила Кора у толстого соседа.

Тот не услышал.

– Кто это? – спросила Кора у Милодара.

– Ах, отстань, – ответил комиссар. – Ничего не выйдет!

Тут прозвучал свисток судьи, и команды, провожаемые воем и ревом публики, спрятались в подземных туннелях зализывать раны и планировать новые атаки.

– Пойдем в буфет, – предложил Коре комиссар. Она сначала хотела отказаться – такое состояние ста тысяч человек ее удручало и вызывало дурноту, но Милодару почему-то нужно было, чтобы Кора испытала полный набор мужских удовольствий. Так что Кора, чтобы не спорить с начальством, пошла с ним под трибуны, где было шумно, накурено, воняло перегаром, валялись банки из-под пива и бутылки из-под «Смирновской» водки, где мрачно шумели рассерженные болельщики, словно пчелиный рой, готовый кинуться на прохожего, который случайно задавил его матку.

Коре показались невкусными и пресными бутерброды, которые добыл для нее Милодар, и пиво, принесенное кришнаитом, который на правах старого знакомого увязался за ними.

– Кто такой Плюшкин? – спросила Кора, чтобы поддержать светскую беседу.

– Ничего не выйдет, – сказал кришнаит и сунул Коре в карман листок со своим телефоном.

Но комиссара такие дешевые трюки не смущали, он вытащил листок из кармана и проглотил его, не разжевывая.

– Плюшкин, – сказал он, – выведен из состава команды еще до начала первенства мира. И за дело.

– За какое? – осторожно спросила Кора.

– Это был неплохой нападающий...

– Отличный нападающий, – добавил кришнаит.
– Но он нарушил режим, – сказал Милодар.
– Вообще-то все нарушают режим. – Кришнаит вытащил из кармана блокнот и написал на листке свой телефон. – Но тут дело было в принципе.

– Вот именно что в принципе, – согласился Милодар и отнял блокнот у кришнаита. – Плюшкин набрал лишний вес.

– Ну и что? – не поняла Кора.
– Ему было сказано – не набирай лишний вес. А он набрал.
– И что же в том криминального?
– Даже президент издал указ, чтобы Плюшкин сбросил лишний вес.
– А он не сбросил, – сказал кришнаит. Писать ему было больше не на чем, и он показывал номер на пальцах. – Он добавлял еще и еще.

– И стал плохо играть в футбол?
– Никто не знает, – ответил Милодар. – Он же не был допущен.
– Но почему?
– Потому что это было сделано по аморальной причине, – сказал кришнаит. – Он плотски влюбился в одну женщину. А та сказала ему, что хочет, чтобы он стал толстым и красивым. Несмотря на то что руководство команды и государства требовало от Плюшкина спортивной формы и подтянутой фигуры, он начал бессовестно жрать, нарушать режим...

– А она? – спросила Кора.
– Кто она? – не поняли мужчины.
– Женщина. Она полюбила его?
– Об этом ничего не известно, – сухо ответил Милодар, словно Кора допустила бестактность.

– Нет, – печально сказал кришнаит. – Она заявила, что толщина портит мужчину. Она не может любить человека, который ради развращающей женской любви мог пойти на нарушение спортивного режима, на предательство интересов команды и спорта в целом. Она ушла от него к председателю акционерного общества «Большой честный спорт».

– А он? – спросила Кора, пожалев футболиста.
– А он, говорят, играет в дворовой команде.
– За этим скрывались большие интересы монополий, – заметил Милодар, – молодому человеку они непонятны.

– И не хочу понимать, – ответил с достоинством кришнаит. – Я сторонник духовной любви, чистой от плотских утех. Вы меня понимаете? – Он обратил страстный и двусмысленный взор на Кору, будто предлагал ей не верить его словам.

Тут по переходам и подземным помещениям разнеслись звонки и свистки, и зрители, доедая бутерброды и допивая пиво, поспешили обратно на трибуны.

Второй тайм начался бурными атаками российской команды. Казалось, гол назревал, он, как говорят комментаторы, витал в воздухе. Но никак не мог дойти до ворот противника. Аргентинцы (их число поубавилось, так как уже трех или четырех игроков вывели из строя наши защитники, а резерв замен аргентинцы уже исчерпали) продолжали нагло обороняться, а их вратарь брал мячи, что неслись в дальние от него углы. По трибунам, как электрический разряд, пронесся слух о том, что президент обещал автору каждого русского гола по «Мерседесу-Лада», но это лишь прибавило суматохи на поле и шума на трибунах.

А когда вовсе неудавшийся ростом и неприятный на вид, почти чернокожий Каравелло, таща на плечах и спине четырех наших славных защитников, умудрился забить нам третий мяч, а подлые тринидадцы его посмели засчитать, тяжелая тишина овладела стадионом. Медленно поднялся и направился к выходу президент России, потянувшись к другим выходам наиболее неуверенные в себе и слабонервные зрители.

Но основная масса болельщиков будто проснулась, будто очнулась от шока и начала скандировать все громче и увереннее:

– Плюш-кин! Плюш-кин! Плюш-кин!

По стадиону, перекрывая гул голосов, разнесся механический голос из мощных динамиков:

– Уважаемые гости стадиона «Уэмбли»! Сообщаем вам, что нападающий Плюшкин дисквалифицирован Федерацией за нарушение режима и антипатриотическое поведение.

– Плюш-кин! Плюш-кин!

Игра остановилась. Все наши футболисты, не глядя на мяч, присоединились к реву толпы:

– Плюш-кин! Плюш-кин!

Аргентинцы, как настоящие спортсмены, к тому же уверенные в своей победе, также остановились и стали кричать:

– Плющ-кин! Плющ-кин!

Даже проклятые тринидадские судьи, поддавшись народному мнению, кричали:

– Плю-ши-ки! Плю-ши-ки!

– Нет, – произнес тогда сосед Кору справа, стягивая с головы наушники. – Когда меня гнали из команды, так никто и слова в мою защиту не сказал.

Он снял темные очки и положил их в верхний карман пиджака.

– А теперь им, видите ли, понадобились мои ноги? Разве я не прав?

– Вы совершенно правы, Плюшкин, – ответила Кора симпатичному толстяку. – И мне очень грустно, что ваша преданность, верность и честность не нашли должной оценки. Но если вы свободны завтра вечером, я могу пригласить вас поужинать со мной.

Милодар так громко заскрипел зубами, что многие подумали, что падает осветительная вышка. Кришнаит тоже услышал и зарыдал.

– Спасибо, дорогая девушка, – сказал футболист, – но, к сожалению, я до сих пор верен этой паршивой суке, то есть Тамарке. Но как вы думаете, стоит ли мне идти на поле?

Тут вновь включились динамики. На этот раз в них звучал женский грубоватый голос:

– Слушай, Слава Плюшкин, говорит Тамара. Я тебе все простила. Если ты выйдешь на поле, то я вернусь к тебе.

– У-у-у-у! – зарычал стадион.

Рычал он со сложными, смешанными чувствами. С одной стороны, он презирал Тамарку, которая предала такого героя, с другой – надеялся на то, что призыв возымеет свое действие.

– Обманет, – сказал Милодар. – Я слышу рядом с ней мужское дыхание.

– Знаю, – печально ответил Плюшкин. – Но не могу сопротивляться.

Он поднялся, и в первое мгновение никто на стадионе не узнал его.

Прежде чем пойти вниз, Плюшкин прошептал Коре:

– Я уже сбросил шесть килограмм.

Он пожал ей руку своей сильной мягкой рукой и пошел не спеша вниз, на футбольное поле.

А навстречу ему уже бежали костюмеры и ассистенты с российской формой.

Стадион узнал своего бывшего кумира. Болельщики выли, как волки в лесу. Аргентинцы растерялись и уже пожалели о своих рыцарских словах и жестах. Они побежали к тринидадскому судье, показывая на часы и торопя его продолжить встречу. А тем временем руководство аргентинцев уже толпилось у ложи комиссара, доказывая, что Плюшкин на игру не заявлен. Неизвестно, как дальше проходили переговоры, но через минуту Плюшкин, переваливаясь, выкатился на поле.

И стадион, который был готов почти к любому исходу, замер от ужаса. Ведь у многих дома висели фотографии Плюшкина, но никто не подозревал, что человек может так растолстеть. Казалось, Славе не пробежать и трех шагов.

Болельщики начали свистеть, обреченно и даже не очень громко.

Судья как бы в ответ прикоснулся к своему свистку.

Если верить часам, то до конца матча оставалось меньше получаса.

Делать нечего – свисти не свисти, все замены сделаны.

И игра продолжалась при вспышках хохота с трибун, когда круглый и неуклюжий Плюшкин никак не мог подпрыгнуть или дотянуться до мяча. И чем больше хохотал стадион, тем злее становился бывший нападающий. Кора это чувствовала лучше всех на стадионе, потому что ей очень понравился этот человек, способный на такие жертвы ради любви.

И она смогла уловить полусекундную паузу в стадионном шуме и крикнула ему громко, но на такой ноте, которая достигла ушей форварда:

– Слава, я тебя понимаю!

Слава замер и посмотрел вверх. Его заплывшие глазки отыскивали на трибуне Кору. Он поднял толстую руку, улыбнулся – может, именно такой, дружеской, искренней поддержки ему и не хватало.

Как раз в этот момент к нему приближался стройный, как тополь, и нахальный, как русский банкир, Хуан Обермюллер, который явно решил забить четвертый мяч в русские ворота и доказать всему миру, что настоящего футбола в этой стране не знают.

Толстяк Плюшкин не казался ему достойным соперником, тем более что Хуан, как и любой другой футболист, знал о трагической истории своего русского коллеги и скорее сочувствовал ему. Но сочувствие в спорте остается за оградой стадиона. Спорт не знает снисхождения.

Но не тут-то было! Ловким движением корпуса Плюшкин отрезал Хуана от мяча, и тот не успел сообразить, в чем дело, как оказалось, что он продолжает бежать к нашим воротам уже без мяча, а мяч, словно приклеенный к ноге Плюшкина, мчится к другим воротам.

Аргентинцам пришлось мобилизовать всю защиту, чтобы в конце концов свалить Плюшкина с ног у самой своей штрафной площадки, и, может быть, ситуация разрядилась бы иначе, если бы кто-нибудь из русских игроков догадался о том, что происходит, и пришел на помощь Плюшкину, хотя бы для того, чтобы получить от него пас. Но никто не пришел.

Зато когда надо было бить штрафной, прибежали все и забыли о Плюшкине, который, конечно же, хотел сам ударить по мячу. Но, незамеченный, он не спеша потрусил к своим воротам, в которых стоял вратарь, – все остальные забивали аргентинцам гол.

Но не забили.

Стенку из восьми игроков Железняк пробить не сумел, зато Каравелло тут же подхватил мяч и помчался к нашим воротам.

А там не было никаких преград.

Только неповоротливый Плюшкин, которого нетрудно обыграть любому. По необычной тишине на стадионе Плюшкин догадался, что дело неладно, и, обернувшись, увидел, что мимо него, метрах в десяти, несется Каравелло.

Какой бес вселился в Плюшкина – не знал никто, кроме Кору.

Он в три прыжка догнал Каравеллу и в подкате отправил мяч на трибуну.

Стадион грянул аплодисментами.

Аплодисменты не понравились товарищам Плюшкина по команде. Так что, когда Хохрянский кидал с аута, он нацелился Плюшкину в лицо. Но Плюшкин сделал вид, что так и надо, чуть отклонился, принял мяч на голову и, подбрасывая его, побежал к воротам аргентинцев, причем остановить его было невозможно и засудить тоже – никому не запрещено пронести мяч к воротам противника на голове.

Уже в штрафной Слава подбросил мяч себе под левую ногу и заколотил мяч под перекладину.

Конечно же, не только стадион бушевал. Товарищи по команде стали обнимать и целовать Плюшкина, исщипали его и исколотили при этом, но Слава не обидчивый. Ему главное – сделать дело.

Президент вернулся в правительственную ложу.

«Мерседес-Ладу» выкатили на беговую дорожку.

А время шло.

Товарищи по команде плохо снабжали Плюшкина мячами. Предпочитали забить сами, хотя это у них не получалось. И вот уже весь стадион кричал:

– Отдай Плюшкину, мазила!

Неприятно быть мазилой, но тут к кромке поля выбежали тренер и председатель Федерации и стали приказывать игрокам играть на Плюшкина, иначе все зарубежные контракты будут аннулированы, а московские квартиры экспроприированы.

Тогда футболисты зашевелились.

Они стали нехотя и не очень точно пасовать Плюшкину, но тот бегал как заведенный и совершал чудеса.

Стадион сходил с ума от радости и надежды.

За шесть минут до конца матча Плюшкин забил второй мяч. Счет стал 3:2 в пользу Аргентины.

Плюшкина старались свалить и покалечить все защитники Аргентины. Но как его сва-лишь, если он круглый?.. Покатится – и опять на ногах...

Кора обратила внимание, что ее новый друг меняется на глазах.

Многие на трибунах тоже заметили это. Видно, жир был на нем наносный, нетвердый.

И когда за две минуты до конца матча Плюшкин забил свой третий гол, то футболист был уже втрое тоньше, чем в начале тайма.

А на самых последних секундах, когда тринидадский судья тянул к губам свисток, но не спешил, потому что ему же не хотелось бегать по стадиону все дополнительное время, Плюшкина все же завалили в штрафной площадке. И с облегчением тринидадский судья назначил пенальти, но реализовал его не Плюшкин, а Железняк. Железняку Плюшкин и подарил один из трех своих новых «Мерседесов», так как у спонсоров четвертой машины не нашлось.

Стадион ликовал, и многие рыдали.

Множество людей выбежали на поле, чтобы качать игроков.

Но большинство футболистов успели убежать, и тогда стали качать тринидадских судей.

Плюшкин тоже убежал, потому что люди путали, не могли понять – он еще толстый или уже худой?

В темных очках и старом костюме он поднялся на трибуну, где Милодар и Кора ждали, пока схлынет толпа, чтобы спокойно выйти со стадиона.

– Я принимаю ваше приглашение, – просто сказал он Коре.

– Ни в коем случае! – закричал Милодар. – Завтра Кора будет в другом конце Галактики.

– Я дождусь, – сказал футболист.

– Нет, – возразила Кора. – Не надо таких сложностей. Что вы делаете сегодня вечером?

– Только не это! – закричал Милодар.

– Только не это! – закричал кришнаит.

– Это выход! – обрадовался футболист.

– Это невозможно! – Милодар был непреклонен.

– Возможно! – ответила Кора.

– Ты поймешь это через десять минут, – сказал комиссар.

– Если пойму, то попрошу прощения, – вежливо ответила Кора, а футболисту сказала: – В семь возле входа в Дом кино на Васильевской. Там, где написано: «Ресторан».

– Идем, идем, – Милодар потянул Кору за руку. – Нас уже ждут.

Кора протянула руку Плюшкину, и тот нежно пожал ее. Ладонь и пальцы спортсмена были такими же теплыми и сильными, но потеряли мягкость.

* * *

Вместе с веселящейся, шумной толпой они вышли со стадиона и в бурном потоке радостных людей влились в метро.

Вскоре подошел поезд метро. На нем было написано: «Финал – Центр».

Поезд понесся без остановок. В нем было тесно, но весело. И Кора не чуралась громких разговоров и песен, потому что чувствовала себя причастной к исторической победе отечественного спорта.

Еще через несколько минут поезд затормозил у станции «Лубянка» и выплеснул на платформу пассажиров.

Люди умолкали и медленно расходились в разные стороны.

Что-то странное происходило с Корой.

– Милодар, – спросила она. – Где мы были?

– На стадионе «Уэмбли», на финальном первенстве мира по футболу между Россией и Аргентиной.

– На стадионе «Уэмбли» в Лондоне, – сказала Кора.

Комиссар снисходительно усмехнулся.

– Стадион «Уэмбли» находится в Лондоне, – подтвердил кришнаит. – До встречи. – Он растворился в толпе.

– Милодар, объясни мне, что произошло?

– Ничего особенного. Мы были с тобой на стадионе...

– Стой! Я вспомнила! Этот матч состоялся в две тысячи втором году. В Лондоне. Но ведь сегодня...

– Да, немало лет прошло.

– Но ведь мы с тобой были на стадионе!

Они поднялись наружу и уселись на лавочке в сквере на площади Лубянка, чтобы выкурить по сигарете. Вообще-то Кора не курила, но сейчас она была взволнована.

– Это была виртуальная реальность, ВР. Слыхала об этом?

– Конечно же, читала.

– Но сама не испытывала?

– Нет.

– А я тебе показал, что это такое. Потому что тебе придется работать в ВР.

– То есть все это нам казалось?

– Неужели у тебя ощущение галлюцинации?

– Ни в коем случае. – И Кора вытащила из кармана куртки сразу две кунжутные лепешки.

– То же самое было со всеми зрителями.

– Но они же знали, что это спектакль?

– Виртуальная реальность создается гигантскими по мощи компьютерами, которые переносят человека в нужную ему реальность, и эта реальность совершенно очевидна и индивидуальна.

– Но я могу поклясться, что никто на стадионе не знал, чем кончится матч, хотя они обязаны были это знать.

– Иначе незачем брать за билет месячную зарплату профессора. Но в тот момент, когда специальный поезд-транслятор подходит к перрону метро, люди переключаются из своей действительности в виртуальную.

– И забывают, где находятся?

– Они знали лишь, что идут на грандиозный футбол.

– Но почему никто не разочаровался?

– Зачем? Они получили, что хотели.

– Сколько же человек на самом деле в этом участвовало?

– Глупенькая, все зрители на стадионе были настоящими. Этот сюжет виртуальной реальности настолько популярен в России, что раз в месяц болельщиками полностью наполняют стадион в Лужниках.

– То есть они знают, что идут в Лужники, и думают, что идут на «Уэмбли».

– Видишь, уже сложность! И не первая, и не последняя.

– А толстый Плюшкин?

– Он умер от старости полвека назад.

– Значит, матчи проходят по-разному?

– Общий результат четыре – три в пользу России остается без изменений. Но в пределах этого счета возможны варианты.

– Но ведь я переживала, меня толкали, я пила пиво, слышала шум, я там была!

– Конечно же, ты там была.

– И еще сто тысяч человек?

– И еще сто тысяч.

– И президент?

– Какое-то число людей – миражи, голограммы. Это футболисты, судьи, президент.

– Значит, ты хочешь сказать, что сто тысяч человек могут купить билет на матч, который состоялся сто лет назад, забыть по дороге туда, в каком году они живут, провести два часа в неведении о конечном результате матча и вспомнить обо всем лишь по дороге домой?

– Вот именно, умничка!

– А вы сами все знали?

– Я не был закодирован. Я же находился на работе.

– А почему меня одурачили?

– Потому что я хотел показать тебе убедительность виртуальной реальности, создаваемой компьютером.

– Одурачить сто тысяч человек!

– Не одурачить, а показать им суперзрелище! Ты же знаешь, что есть люди, которые ходят на этот матч каждый месяц, – и таких тысячи. Это их главное развлечение в жизни.

– Гнусный наркотик!

– Почему? Человек получает заряд хорошего настроения на весь месяц вперед. Это как любовь. Пока ты целуешься, зуб не болит. К наркотику привыкают, а виртуальная реальность – как хорошая книга, как фильм. Полюбил его – смотри снова. Не удалось посмотреть – тоже не беда.

– В кино ты сидишь в зале и не участвуешь в действии.

– В хорошем – участвуешь. Ты можешь поставить себя на место героя.

– Но тебя не могут побить.

– С виртуального стадиона ты тоже вернешься живым. Фирма гарантирует.

– Значит, участие кажущееся?

– Нет, участие настоящее.

Пальцы Кору нащупали в кармане куртки что-то мягкое. Она вытащила кунжутную лепешку, ту, что получила на стадионе от кришнаита.

– Наверное, я зря провожу жизнь в метаниях по Галактике, – произнесла Кора. – Рискую жизнью, даже иногда погибаю, сама убиваю людей. Зачем? Можно пойти на стадион...

– Ты бы сбежала с этого стадиона, как только догадалась, что он игрушка, перец в пресной жизни. Твой стадион не для зрителей, а для истинных спортсменов.

– Не утешайте меня, комиссар, – запротестовала Кора. Она уже поняла, что ей не суждено провести выходные в родной деревне.

У выхода из старой подземки их ждал серый с синей полосой служебный флаер ИнтерГ-пола, вызванный Милодаром по интуитивной связи...

Пришлось перебежать к нему, прикрываясь футбольными программками. На улице моросил тоскливый осенний дождик.

Комиссар достал из кармана два скромных белых пакетика.

– Здесь семена для твоей бабушки. Все-таки сдержал обещание!

Через шесть минут флаер примчал их в санаторий «Узкое», раскинувшийся за Палеонтологическим музеем на окраине Москвы. Там, под одним из прудов, находилась тайная база московского сектора ИнтерГпола.

Спустившись по бетонной трубе и миновав стальные двери, они оказались в белом коридоре. Потолок кое-где протекал. Стены давно пора бы покрасить. Но Кора не стала говорить об этом комиссару. Она все еще ломала себе голову, зачем он ее сюда пригласил.

Они вошли в кабинет комиссара.

Ничто не указывало на то, что он находится под прудом в запущенном парке, если не считать таза в углу, в который капало с потолка. Мягкие ковры и низкие кресла придавали кабинету восточный экзотический уют.

– Присаживайся, Кора, – произнес комиссар, – чувствуй себя как дома.

Это был опасный знак. Комиссар никогда не добрел перед своими агентами, если им не угрожала смертельная опасность.

– Что будешь пить? Виски с содовой? Или джин с тоником?

– Вы же знаете, что я пью только водку «Абсолют», – ответила Кора, которая старалась держать себя в руках и не показать страха, охватившего ее. Задание обещало быть смертельно опасным.

– Сейчас ты увидишь испуганную, убитую горем женщину. Ты должна проникнуться сочувствием к ее горю, – сказал Милодар, протягивая Коре высокий бокал. До половины он был наполнен колотым льдом и ломтиками лимона, поверх покачивался небольшой, но глубокий бассейн водки.

– Должна?

– Я не заставляю тебя притворяться. Ее горе искренне и глубоко. А мы обязаны ему помочь.

– В чем заключается ее горе? – осторожно спросила Кора. Она знала, насколько активно ИнтерГпол был погружен в большую галактическую политику.

– Она боится потерять своего единственного племянника. Его могут убить.

– Мы должны спасти его?

– Вот именно.

– Почему?

Милодар поставил свой бокал на край стола и начал загибать пальцы.

– Во-первых, мы гуманисты. И любая человеческая жизнь для нас – истинная драгоценность.

– Комиссар, мы не на парламентских слушаниях.

– Не старайтесь показаться циничнее, чем вы есть на самом деле, агент Орват.

– Быть циничнее, чем я, невозможно, – откликнулась Кора, отпивая из бокала. Конечно, это была водка среднего класса, никак не «Абсолют», но она другого от Милодара и не ждала.

Комиссар удрученно вздохнул и продолжал загибать пальцы.

– Во-вторых, – продолжал он, загнув второй палец, – смерть молодого человека нанесет смертельный удар по корпорации «ВР», акции которой наполовину принадлежат правительству Земли, и на них содержатся детские сады...

– Приюты для инвалидов, матерей-одиночек и бывших футболистов, – добавила Кора. И произнесенное ею самой слово заставило энергично заработать ее мозг. – Корпорация «ВР»... Значит, вы не случайно меня сегодня повели на стадион.

– Я ничего не делаю случайно.

– Этот молодой человек погибнет на стадионе?

– Все сложнее. И если ты дашь мне возможность договорить, то узнаешь немало любопытного.

– Я внимательно слушаю.

– Оторвавшись от нашей мирной жизни, ты, наверное, и не представляешь, насколько глубоко вошла в нее виртуальная реальность. Стадион, на котором ты была сегодня, – это как бы вершина айсберга, очевидная для всех и всем известная. Мы все ходим смотреть сказку о Великой победе... Но основные доходы «ВР», а соответственно нашей с тобой родной планеты, не от этих примитивных массовых зрелищ.

– А от чего же?

– От невероятно дорогих и тщательно подготовленных индивидуальных круизов.

– Это еще что такое?

– Дальнейшее развитие компьютерной игры. Ты становишься ее безусловным участником. Ты не руководишь действиями других персонажей, а попадаешь в заданные условия. В них живешь, из них возвращаешься в действительность с синяками, шишками и жизненным опытом. Но обязательно возвращаешься, и обязательно живым. Так что... – Милодар загнул третий палец. – Спасение самой идеи зависит от нас с тобой. Если кто-то погибнет во время виртуального путешествия, это значит, что сама виртуальность порочна.

Кора допила водку, покатала языком во рту кусок льда, протянула бокал обратно. Чтобы взять его, Милодару пришлось разогнуть пальцы.

– Пожалуйста, не жалейте на меня слов, шеф, – попросила Кора. – Ведь вам хочется, чтобы я чего-нибудь поняла?

– Ты права, черт возьми, – согласился комиссар. – Специально для тебя, темной женщины, объясняю, что в индивидуальном туре ты можешь заказать себе любую сказочную или, скажем, историческую роль. Ты можешь стать Жанной д'Арк...

– И кончить свою жизнь на костре девственницей?

– Тебе что больше нравится? «На костре» или «девственницей»?

– Все плохо.

– В последний момент тебя вытащат из костра, для этого и существует наша служба спасения и страховки.

– Значит, я могу стать Мессалиной?

– Это кто, проститутка?

– Или мадам Помпадур?

– Наверняка проститутка! Любовница Д'Артаньяна. Я читал. Что у тебя за направленность фантазии?

– Но ведь это фантазии. А в жизни я – типичная Жанна д'Арк.

– Да? – Милодар смутился. Он не знал, спорить или согласиться.

– Продолжайте, комиссар. Только короче. Что же произошло?

– Один молодой человек заказал путешествие в Древнюю Грецию.

– К Сократу захотелось? – Нет, водка вовсе не такая плохая. Может, и не «Абсолют», но «Столичная» как минимум.

– Не совсем. Захотелось прожить жизнь Тесея.

– Тесея? Что-то знакомое. Это не он бегал по лабиринтам и придумал бой быков?

– Ты почти права, хотя твое образование оставляет желать лучшего.

– Я взяла за правило не быть образованнее собственного начальства, – отпарировала Кора.

– Тогда я тебе помогу. Тесей – один из сказочных древнегреческих героев. Нечто среднее между Гераклом и Периклом. Тебе что-нибудь говорят эти имена?

Кора протянула комиссару бокал, и тот отправился наполнять его вновь, но по его спине было видно, что он ждет ответа.

– Геркулес – это каша, – сказала Кора. – А Перикл – что-то связанное с расстройством желудка.

Господи, думала она между тем, как это романтично. Интересно, сколько стоит такое путешествие? Как жаль, что она никогда ничего не откладывала с зарплаты или премиальных, а то бы купила себе жизнь Афродиты или Елены Прекрасной. Пускай бы за ней побегали Одиссеи и Телемахи. Геркулес – это грубо, он все время кого-нибудь нечаянно убивал...

– Ладно, все равно тебе придется прочесть книжку о Древней Греции...

– Зачем? – удивилась Кора.

– Как зачем? Я тебе уже второй час пытаюсь сказать, что ты должна отправиться в мифологическую Древнюю Грецию, чтобы отыскать там Тесея.

– Комиссар, вы мне говорили что угодно, только не это!

Кора выхватила у комиссара бокал и выпила его залпом.

– Я волнуюсь, – сказала Кора.

В стене загорелся квадрат – на нем возникло миловидное лицо секретарши Милодара, Прасковьи Харловой, несчастной женщины, как рассказывают, спасенной когда-то Милодаром от приспешников Пугачева.

– Милостивый государь, – пропела секретарша, – к вам пришла госпожа Н.

– Введите, – приказал Милодар.

Дверь открылась. В нее осторожно впорхнула окутанная розовым пухом средних лет женщина с небольшой бриллиантовой диадемой в лиловых волосах.

– Проходите, ваше высочество, – сказал Милодар, поклонившись.

За пять лет работы в ИнтерГполе Кора не видела, чтобы Милодар кому-нибудь поклонился.

– Познакомьтесь, герцогиня, – продолжал Милодар. – Это Кора Орват, о которой я вам имел честь рассказывать. Агент номер три. Что означает третий по качеству агент в нашей конторе.

Женщина улыбнулась печальной царственной улыбкой и протянула Коре руку в белой перчатке – рука двинулась к ней куда выше, чем нужно для рукопожатия, как бы предназначая себя для поцелуя, но Кора, будучи принципиальной демократкой, воспользовалась преимуществом в росте и осторожно пожала лапку ее высочества.

– Но почему для меня у вас только третий агент, комиссар? – спросила посетительница еле слышным нежным, даже робким голосом. – Где же те два, которые лучше?

«Ах ты, коварная, – подумала Кора. – Тебе не меньше пятидесяти, но одеваешься ты как собственная внучка».

– Агент номер один пропал без вести в одном из кратеров Венеры. Его ищут... ищут уже шесть лет. Агент номер два неделю как вышел в отставку.

– Пускай его вызовут из отставки!

– К сожалению, он вряд ли согласится. Он мечтал об отставке последние сто тридцать лет.

Тогда ее высочество замолчала, прошла к самому большому из кресел и уселась с достоинством истинной герцогини.

– Девушка в курсе дела? – спросила она.

– В самых общих чертах, – ответил Милодар, виляя хвостиком. Коре даже захотелось встать, зайти к нему с тыла и поглядеть, не высовывается ли хвостик наружу.

– Она мне кажется слишком громоздкой, – заявила дама.

– В виртуальной реальности ваш Густав может сделать себя настоящим Тесеем, то есть почти гигантом.

– Ах, как это глупо! – воскликнула дама и покраснела, смущенная какими-то собственными мыслями. Когда-то, относительно недавно, она была сказочно хороша – бывает такая бесплотная, недолговечная красота – красота розовой в голубизну кожи, светло-русых рыжеватых кудрей, тонких рук, увенчанных тончайшими длинными пальцами, а уж глаза... Глаза природа выдает таким красавицам нежных пастельных тонов, прозрачные, словно ты глядишь на утреннее голубое небо. Такая красота рано гаснет, и не дай бог спасать ее кремами, подтяжками и массажами – кожа превращается в хрупкую бумагу, глаза становятся водянистыми, а руки из тонких превращаются в худые.

Но дама Рагоза, так звали герцогиню, менее всех на свете была склонна согласиться с неумолимым действием природы. Она видела себя не в зеркале, а на портрете, писанном лучшим салонным художником ее государства двадцать пять лет назад.

Дама Рагоза была очень влиятельной дамой одной из планет, которая не родила собственной цивилизации, а питаясь воспоминаниями о Земле, тем не менее давно уж была независимой и делилась на полдюжины королевств и республик. Некоторые были знакомы лишь составителям справочников, а некоторые, как, например, отечество Рагозы, было известно в Генеральном штабе Галактики, и его внутренние дела беспокоили больших политиков. В горных районах королевства находилась долина, где зачем-то собралась нижняя половина Периодической системы элементов, а извлечение элементов из недр было процессом несложным, отчего когда-то на отечество Рагозы ходили походами соседи, поочередно покоряя его земли и оплодотворяя его девиц, а в последние годы Рагоза стала объектом дюжины межпланетных договоров, которые не всегда выполнялись, но открыто не нарушались, потому что существовал Галактический центр.

Знать из Рагозы, а также способные молодые люди плебейского происхождения прилетали на Землю, по возможности учились в Гарварде, Черноголовке и Гейдельберге либо, попавшись на торговле наркотиками, коротали дни в тюрьмах Синг-Синг или Лефортово.

Приехал на учебу в Московский университет, колыбель гуманитарных наук, наследник рагозийского престола Густав-Розарио-Иоахим, который, как только подошли очередные летние каникулы, направил стопы в правление компании «ВР», чтобы подвергнуть себя настоящему испытанию, избрав наитруднейший ВР-круиз.

Подобное испытание на планете, где располагалась Рагоза, было еще внове, и решение принца, вызвавшее удивление его родственников и знакомых, скрыли от простого народа – пекарей, шахтеров, фермеров и электриков. Принц Густав был единственным прямым наследником престола. Права остальных претендентов были сомнительны или вообще отсутствовали. Это, разумеется, не мешало различным политическим партиям сдерживать претендентов, помогать им, толкать в спину и под локотки, ставя под сомнение исход борьбы за власть в государстве в случае, если с принцем Густавом что-то случится.

Об этом Милодар рассказал Коре в присутствии дамы Рагозы, а та слабым голосом, будто только что поднялась без лифта на двенадцатый этаж, сочла нужным добавить:

– Особа наследника престола священна.

После этого она надолго замолкла, ожидая, видимо, что Кора проникнется трепетом. Кора не смогла проникнуться, но спросила:

– Если вы так его бережете, зачем отпустили с родной планеты? Учили бы дома.

– Наш мальчик, – сказала дама Рагоза, – должен получить настоящее образование. Пришло время нашей Рагозе выйти в первые ряды мировых держав. Для этого нам нужен просвещенный монарх. Вы меня понимаете, душечка?

Душечкой Кору давно никто не называл. Слово было унижительным. Но не обижаться же на эту развалину!

– А что он учит? – спросила Кора.

– Густав учится на юридическом факультете, осваивает международное право. Но помимо этого вечерами он посещает лекции по теоретической физике и минералогии. Как вы знаете, наше главное богатство – полезные ископаемые, редкоземельные элементы...

Выговорив столь трудные слова, дама Рагоза откинулась в кресле. Она утомилась.

– Джин с тоником? – спросил Милодар.

– Капелечку, на самом дне, – ответила дама. – Откуда вам известны мои вкусы?

– Мы готовились к встрече с вами, – ответил Милодар. – Это так естественно!

– Неужели? – Дама поглядела на Милодара загоревшимся голубым глазом. Видно, только сейчас она увидела в нем мужчину, и это ее заинтересовало. Что Коре вовсе не понравилось.

Пока комиссар готовил напиток для дамы, Кора молчала и думала: то ли ей самой подойти к бару и приготовить себе новую порцию, то ли попросить Милодара не забывать другую даму. В конце концов, она куда привлекательнее этой платяной моли!

Милодар, видно, спиной почувствовал укор, локти его заерзали, он обернулся, поднес бокал даме Рагозе и сказал почему-то ей, а не Коре:

– Наш агент Орват, к сожалению, не может составить вам компанию – она не употребляет горячительных напитков.

– Ах, какая жалость! – откликнулась дама Рагоза, принимая бокал из руки Милодара и дотрагиваясь до его пальцев кончиками своих фиолетовых ногтей. – С такими дикими привычками она ничего не добьется ни в обществе, ни в жизни. Светские обязанности требуют от нас умения поглощать всякую дрянь бочками.

С этими словами сублинная дама опрокинула в себя бокал и, проглотив джин, выплюнула кубики льда на ковер. Милодар кинулся поднимать их – он ценил свой ковер, привезенный из какой-то юношеской экспедиции, от последних людоедов Аркадии. В его узор были вплетены волосы жертв межплеменной борьбы.

Кора решила, что она не настолько заинтересована в задании, сути которого до сих пор не знала. Пора было заявить о себе во весь голос.

Она резво вскочила и, пока Милодар ползал по ковру, в два шага подошла к бару, откупорила бутылку с водкой «Абсолют» и налила чуть больше половины стакана. С этой добычей она хотела вернуться на свое место, но ее остановил тонкий голосок дамы Рагозы:

– Не будете ли вы так любезны, душечка, долить мне в бокал того же напитка.

– С удовольствием, – сказала Кора и почувствовала, как ее отношение к этой герцогине меняется на прямо противоположное. Хваленая выдержка изменила Милодару. Так и не собрав льдинки, он наподдал их сапогом, и они, взлетев веером, автоматной очередью выбили дробь по окну.

– Очень мило, – сказала дама Рагоза. – Очень мило.

Она приняла бокал из рук Кору, чокнулась с ней, и дамы выпили.

– Вы говорите, что вы только третий агент? – спросила она Кору.

– Это преувеличение, – сказала Кора. – Но думаю, что я во второй десятке.

– С каждой минутой ты мне все милее, – сказала хрупкое создание.

Милодар вернулся на свое место – напротив дамы Рагозы – и произнес голосом запоздавшего на совещание большого начальника:

– Ну что ж, продолжим?

Он делал вид, что его дамы пьют апельсиновый сок.

– Разумеется, в хороших домах это не принято, – сообщила дама, сама направляясь к бару и подливая в бокал из бутылки. Щеки ее покраснели, глаза сияли, она помолодела лет на двадцать. – Но мой Густав совершенно необычный ребенок. Его никогда не интересовали охотничьи подвиги и драки, он сам выучился грамоте, затем стал считать. Когда ему было десять лет, пришлось рассчитать всех его профессоров, потому что они ему ничего не могли дать.

– Не может быть! – Милодар постарался перехватить инициативу. – И что же дальше?

Дама Рагоза с удивлением окинула его взглядом от макушки до пяток, как бы спрашивая: что здесь делает этот человек? Милодар, непривычный к таким взглядам, смешался и замолчал.

– Сейчас Густаву двадцать. Он, без сомнения, самый образованный и серьезный человек на нашей планете, я уж не говорю о государстве Рагоза. С ним связаны все надежды на прогресс. Я уж не говорю, как он много значит для меня. После того как его родители пали от рук убийц и власть перешла к регентскому совету, я осталась его ближайшей родственницей. Он – мой родной племянник, сын моей любимой сестры. Вы понимаете ситуацию?

– Так зачем ему было уходить в ВР-круиз? Лучше бы слазил на Эверест, – предложила Кора.

– Может, сделать кофе? – вмешался Милодар.

– Сделайте, голубчик, – согласилась дама Рагоза.

– Может, он устроил сам себе испытание? – предположила Кора.

– Все куда сложнее, – вздохнула герцогиня.

– Может быть, следует кого-то ликвидировать? – спросил Милодар из кухни.

– Как вы грубы, комиссар, – откликнулась дама. – Человеческие проблемы не решить насилием.

– Еще как решить! – не согласился комиссар. – Нет человека, и нет проблемы. Это я прочел в каком-то древнем манускрипте.

Он вошел с подносом и поставил его на журнальный столик.

– Вам пора жениться, – сказала дама Рагоза.

– Я пробовал, – ответил Милодар. – Но без взаимности мои союзы распадались.

– Я подыщу вам девицу благородного происхождения, из графской семьи.

– И я получу в придачу кучу сомнительных родственников! Ну уж нет! Лучше поищите мне ее в детском приюте...

Дамы рассмеялись, потому что испуг Милодара был искренним.

– Кроме того, я сейчас влюблен.

Милодар разливал кофе по чашкам. Рука его дрогнула.

– Это достойное занятие для мужчины, – вздохнула дама Рагоза, показывая этим, как горько ей сознавать, что он влюблен не в нее. – И кто же ваша счастливица?

«Помолчи, – мысленно приказывала комиссару Кора. – Зачем позорить всю нашу родную планету в глазах мирового общественного мнения?»

Но Милодар не послушался невысказанного совета.

– Две счастливицы, – сообщил он. – Близнецы.

– И какую вы выбрали?

– Я еще не решил, – ответил Милодар. – Вернее всего, я выберу обеих.

– Как так? Разве у вас не моногамия?

– Не знаю, что у нас, не знаю! Но поставьте себя на мое место. Если я женюсь на Джульетте, то Макбетта выйдет замуж за кого-то еще и будет ему отдаваться!

– Очевидно, так и нужно для ее счастья.

– Но я же их не различаю! – закричал Милодар. – И я убью каждого, кто посмеет жениться на сестре моей жены, потому что я не знаю, на ком он женился: на сестре моей жены или на моей жене.

– Боюсь, что это выше моего понимания, – призналась дама Рагоза, явно обеспокоенная. – Боюсь, что вы представляете опасность для окружающих.

– Другого на мое место пока не подыскивали, – ответил Милодар. – Я умен, решителен, коварен, быстр, предан делу, меня ценят начальники и любят подчиненные, правда, агент Орват?

– Что касается любви, – осторожно ответила Кора, – то это преувеличение. Но я убеждена, что каждый новый начальник хуже предыдущего. Это вселенский закон. По мне лучше тот, к которому я привыкла.

– Не самый умный ответ, но лучше такой, чем никакого, – заметил Милодар. – По-моему, мы отвлеклись. Ведь вы сами передали мне через посла о крайней срочности и важности дела. Я отложил в сторону все срочные текущие дела и для ознакомления моего агента с виртуальной реальностью отвез ее на стадион, где показывали прошедший сто лет назад драматический финальный матч по футболу.

– Сто лет назад! – вырвалось у Кору. Ей стало грустно при воспоминании о Плюшкине. Водка делала свое черное дело. – Все они давно умерли...

– Ах, я вспомнил – тебе понравился там один толстяк! – сказал Милодар. – Но он тоже плод виртуальной реальности.

– Со мной такое было, – сообщила фарфоровая герцогиня, отхлебывая водку из стакана, словно это был лимонад. Видно, совсем освоилась в кабинете грозного комиссара. – Я влюбилась в портрет. Я купила его, повесила в спальне и приказала моим техникам отыскать все данные по этому... рыцарю, который погиб триста лет назад, и восстановить его голограмму по скелету...

– Вы разрыли могилу? – удивилась Кора.

– А что ты прикажешь делать, если полюбила? – резонно спросила дама Рагоза. – Учти, что в любви я не знаю границ и правил. Не дай бог тебе оказаться у меня на пути.

Кора была удивлена. Вот сидит перед ней робкое, покрытое глазурью розовое существо, в изящной ручке которого вздрагивает бокал с водкой «Абсолют», и угрожает Коре своими вулканическими страстями. А что, подумала Кора, ведь и отравить может. Именно отравить.

– Они его восстановили. Почти настоящего. Объемного... Пришлось отключить.

– Почему?

– О, эти льстивые художники!.. На портрете он был идеализирован настолько, что я его узнала только по усам. С тех пор я не позволяю себе увлечься мужчиной... За редчайшими исключениями.

– Дама Рагоза, – вмешался Милодар. – Если вам не трудно, продолжайте, пожалуйста, ваш рассказ.

– С удовольствием. Душечка, подлеи этого славного напитка. Спасибо. На чем мы остановились?

– На том, что ваш племянник остался сиротой и поступил учиться в Московский университет.

– Правильно. А теперь отправляется в Древнюю Грецию, где его убьют, и мы останемся без наследника престола...

– И он выбрал судьбу Тесея? – спросил Милодар.

– Именно так. Именно Тесея. Это какой-то древний грек, который всю жизнь рисковал и хулиганил. Я еще понимаю, если бы он выбрал судьбу Гомера...

– Гомер был слепым.

– Или Наполеона.

– Он кончил жизнь в ссылке.

– Ну, наконец, какого-нибудь бога – Диониса или Гермеса. Я бы не так беспокоилась.

– Но в любом случае никаких оснований для беспокойства нет, – сказал Милодар. – Я только что разговаривал с главой компании «ВР». Они клянутся, что их приключение совершенно безопасно. Ни в одном индивидуальном круизе за последний год не было смертельного исхода. Синяки, шишки, царапины, в крайнем случае поломанные руки... но все возвратились к мамам, папам и тетям.

– Боюсь, что могут быть исключения, – сказала дама Рагоза. – Я бы не примчалась к вам через половину Галактики только из-за нервного состояния души.

– Откуда у вас опасения?

– Сначала были слухи, – неверным голосом произнесла герцогиня: водка начала действовать. – Они ширились, ширились, ширились, пока не затопили всю столицу.

– Какие слухи?

– Очень конкретные. Что наш дорогой Густавчик решил отправиться в ВР-круиз и не вернется оттуда живым.

– И неизвестно было, откуда эти слухи, кто их распространяет? – спросил Милодар.

– Мне ничего не оставалось, как отправиться к самому оракулу Провала. И он мне... так и сказал: «Твой Густав отправится в ВР-круиз, и его там прихлопнут. Уже все готово».

– Кто такой оракул Провала? – спросила Кора.

– Сейчас все объясню, – сказала герцогиня. – Сейчас все объясню. Оракул... послушайте, где у вас тут туалет? Меня тошнит, черт побери! Чем вы напоили высокопоставленную гостью, а?

Герцогиня поднялась с дивана, и Коре пришлось подхватить ее на руки и отнести в ванную, где произошла некрасивая сцена, после чего Кора вымыла герцогиню, а Милодар вызвал охрану герцогини, которая состояла из двух мрачного вида красивых молодых людей, один из них закинул даму Рагозу через плечо, словно она была мешком с картошкой, а второй шел сзади, вытащив бластер и оглядываясь по сторонам, словно опасался неожиданного нападения.

У двери он остановился и, глядя на Милодара, произнес:

– Нельзя было старой перечнице водки давать, неужели не ясно?

– Совершенно неясно, – сдержанно произнес Милодар. – Кстати, она не производила впечатления алкоголички.

– Ты тоже производишь впечатление мыслителя, – грубо ответил охранник.

Милодар тут же выхватил из кармана бластер, а молодчик не только выхватил свой в ответ, но и открыл стрельбу без предупреждения – хорошо еще, что и Милодар, и Кора обучены предвосхищать выстрел по тому, как напрягается указательный палец противника. Оба они успели улечься за диваном, всю спинку которого разнесло в клочья.

Со стены с грохотом упала чудесная картина Боттичелли «Венера с чужим младенцем», пробитая и сожженная, люстра закачалась и рухнула на ковер, разбившись на множество осколков.

– Чудесно, мальчики! – раздался из коридора голос дамы Рагозы.

Вся эта компания исчезла, а Милодар тут же вызвал в кабинет бухгалтеров, чтобы подсчитать ущерб и отправить иск на планету в королевство Рагоза до того, как корабль с дамой Рагозой на борту попытается улизнуть с Земли.

Пока бухгалтеры, щебеча и ахая от негодования, подсчитывали и утраивали ущерб, Милодар убрал свой бластер.

– Я все равно выстрелить не мог, – сказал он. Он направился к столу, рассеянно прошел сквозь него и попытался усестись на стул, но, разумеется, провалился. Лишь на уровне ковра ему удалось остановить свое падение.

– Когда вы успели подмениться! – удивилась Кора. – Ведь на стадионе вы были самим собой, а сейчас уже – голограмма!

– Ах, это так просто, – ответил Милодар, – я же ходил на кухню готовить кофе, там и заменился. Не понравилась мне эта герцогиня. Не люблю пьющих пожилых женщин.

– Предупредили бы меня, – заметила Кора. – Меня могли продырявить.

– Ну, убили бы в крайнем случае, – отмахнулся бессердечный Милодар. – Нашли бы тебе новое тело, получше этого.

– Еще чего не хватало! – возмутилась Кора. Если бы она не знала, что вместо ее шефа в кабинете стоит голограмма, она бы сейчас выпарапала ему глаза. – Меня устраивает мое тело. Вы предатель, комиссар!

– Я разумный государственный деятель, – ответил тот. – Агентов можно отыскать сколько угодно. Комиссаров можно пересчитать по пальцам.

У Кору было свое особое мнение на этот счет, но она не стала делиться им с шефом, потому что не хотела терять работу. Если тебя увольняют с ИнтерГпола, то ты сразу оказываешься на чертом забытом астероиде, на окраине Галактики в должности начальника местного полицейского участка. И вскоре бесславно заканчиваешь жизнь от случайной пули или ножа в пьяной драке. Такова жизнь...

– Простите, шеф, – сказала Кора, взяв себя в руки. – Так мы будем браться за это дело или пускай дама Рагоза убирается в свое королевство?

– Я был бы рад забыть о ней. Не люблю дам, у которых такие нахальные охранники. Кстати, кому поручить его ликвидацию – тебе или Иванову?

– Пошлите Рабиновича. А то он в последнее время слишком много говорит о гуманизме.

– Хорошая идея, Кора, – одобрил Милодар.

– Вы не ответили на мой вопрос.

– Неужели тебе не ясно? Разумеется, мы беремся за это дело. Потому что таково решение Галактического штаба. Хотим мы того или нет.

– Тогда избавьте меня...

– Не избавлю. Ты сейчас единственный у меня красивый и опытный агент женского пола. В мифологической Греции это играет роль.

– Почему?

– Вот, возьми. Тут книжки о греческих мифах. Нейхарт, Кун, Плутарх. Прочтешь все, что сможешь, о Тесее и его родственниках.

– Комиссар!

– Я уже шестьдесят лет комиссар. Но сначала ты вылетаешь специальным рейсом в королевство Рагоза.

– Это еще зачем?

– Ты должна встретиться с неким оракулом Провала и узнать, почему он считает, что принц Густав будет убит во время ВР-круиза. Какая птичка ему напела. Ясно?

– Неужели нет никого больше...

– Есть! Но это твое дело. Ты должна увидеть как можно больше действующих лиц этой драмы, понять их отношения, расположение сил и решить – убьют ли они Густава или только попугают. За время путешествия и освежишь свои знания в мифологии и древнегреческом языке.

– Я никогда не знала древнегреческого языка.

– Значит, к началу ВР-круиза будешь знать в совершенстве.

– Какого еще ВР-круиза?

– А как же иначе ты отыщешь принца Густава и будешь его охранять?

– Неужели это уже решено...

– Моя дорогая Кора, ты не представляешь, сколько стоит на галактическом рынке долина в королевстве Рагоза, где находятся месторождения всех редкоземельных элементов.

– Мне можно идти? – удрученным голосом произнесла Кора. Все происходящее ей совсем не нравилось.

– Иди, иди... Впрочем, вернись!

– Ну что еще?

– Не так грубо, агент! Посмотри, пожалуйста, кто из них тебе больше нравится?

Милодар протянул Коре две голографии молодых привлекательных brunetок, похожих друг на дружку как две капли воды, тем более что у обеих носы были сдавлены прищепками для белья.

– А прищепки зачем? – спросила Кора, уже догадавшаяся, что присутствует при очередной попытке решения задачи про буриданова козла. Или осла?

– Мои невесты – чемпионки Таганрога по синхронному плаванию. Вот справа – Джульетта, а слева – Макбетта... Нет, погоди, может быть, наоборот?

– Вот когда научитесь различать, тогда и показывайте.

– А ты тоже не различаешь?

– А зачем мне различать?

– Пожалуй, ты права... ну иди, иди, чего стоишь? Рейс на Рагозу через два часа. А тебе еще надо собраться.

– Чего же вы раньше не сказали! Я не успею.

– Не успеешь – нечего тебе делать в ИнтерПоле.

С этими приятными словами они расстались.

* * *

На корабле «Нирвана» Союза буддийских планет Кора увидела госпожу Рагозу в сопровождении одного телохранителя. Второго убрал Рабинович. Но подходить к ним Кора не стала, да и нелегко это было, потому что Рагоза летела в классе «люкс», где ты мог сам выловить себе на ужин осетра из небольшого бассейна, где кокосовые орехи падали с пальмы по твоему выбору, а в ресторане слух клиентов услаждал джаз-оркестр под управлением Дюка Эллингтона, тщательно и изящно реконструированного генными инженерами.

Кора же пребывала в стандартной каюте второго класса, слава богу, одна (от экономного Милодара всего можно ожидать), получала еду из овального отверстия в стенке над столиком, под надписью на нескольких галактических языках: «Использованную посуду сбрасывать в дезинтегратор».

Так что Кора наблюдала даму Рагозу, лишь когда та прогуливалась по галерее, поглядывая вниз, но, разумеется, не видя ни Кору, ни других простых пассажиров, потому что со стороны «люксов» галерея как бы парила над бескрайней равниной, а стеклянный потолок, на который, задрав голову, глядела Кора, был превращен руками умелых голографов в зеленое море джунглей. Время от времени из переплетения ветвей взлетали вверх экзотические птицы и доносился рев обезьян и леопардов.

Всю дорогу Кора, будучи дисциплинированным агентом, посвятила изучению древнегреческого языка, на нем предположительно объяснялись Зевс и его родственники, а также биографию Тесея, которую различные источники трактовали по-разному.

Хоть это и не имело, с ее точки зрения, большого значения в будущей работе, сначала она выяснила, кто он родом, откуда взялся. Ведь, честно говоря, до этой поры она знала за Тесеем только один подвиг: этот самый Тесей пробрался в знаменитый Лабиринт, отыскал там дикого быка Минотавра и зарезал его, став таким образом первым в мире тореадором. Неужели принц

Густав решил отправиться в ВР-круиз только затем, чтобы еще раз зарезать несчастного быка? Странно все это!

* * *

Отцом Тесея, как указывали все авторы, был некий Эгей, который, видно, потом назвал в честь себя Эгейское море. Он царствовал в Афинах, которые тогда еще не были столицей Греции, а, как поняла Кора, оставались довольно мелким городком. Этот самый Эгей шел к власти нелегким путем, у него были злобные родственники, желавшие отхватить у него Афины. Это были племянники, сыновья его брата Палланта. Звали их всех скопом Паллантидами, и насчитывалось их примерно пятьдесят голов, что доказывает, что у Палланта либо было много жен сразу, либо он их часто менял. Паллантиды никак не могли дожидаться, когда помрет их дядя Эгей, и тщательно следили за тем, чтобы он не женился и не сделал себе наследника престола.

Дело становилось интересным. Кора с увлечением прочитывала абзац у Плутарха, потом кидалась к Куну или Нейхарту, за проверкой информации перекрестным допросом.

Эгею, конечно же, хотелось иметь детей, но он боялся за их судьбу, когда по дворцу так и шныряют десятки племянников и все они вооружены и опасны.

Тогда, под видом визитов к оракулам и соседям, Эгей стал отлучаться из Афин. Добрался он и до известного во всем тогдашнем мире Дельфийского оракула.

В энциклопедии Древнего мира о нем было написано немало интересного. Оказывается, оракул – это не человек, а главный религиозный центр в Древней Греции, у подножия горы Парнас. Там стоял храм Аполлона. Он считался самым богатым храмом страны, потому что греки были народом суеверным и по возможности ни одно важное дело не начинали без совета с сотрудниками Дельфийского оракула, которые сидели в храме. А советы предсказателей, как и во все времена, не бывают бесплатными. Энциклопедия утверждала, что во время войн и вторжений этот храм обязательно в первую очередь грабили и разрушали, но потом восстанавливали еще лучше прежнего, пока его окончательно не уничтожил византийский император Феодосии, который, будучи христианином, предсказаний конкурентов не выносил.

Рядом с храмом располагались ипподром, театр и даже картинная галерея. От нее не сохранилось ни одной картины. В этом храме находилась очень важная святыня – полукруглый камень, метеорит по происхождению, носящий название Пуп Земли. Отсюда и пошло это странное выражение. Для греков все было просто: оказывается, Зевс как-то занялся геодезией, для чего с западного и восточного краев Земли по его приказу было одновременно выпущено два орла. Они встретились именно в районе Дельфийского оракула, и с тех пор все знали, что центр Земли находится именно здесь. Кора невольно улыбнулась: значит, греки были убеждены, что Земля плоская, или она в то время на самом деле была плоской?

В одном греки ошиблись – Кора отлично помнила, что ее бабушка Настя в раннем детстве внушала Коре, что центр Земли находится на Красной площади. Каких орлов и с каких концов Земли бабушка выпускала для этой цели, осталось неизвестным.

В глубине храма сидели пифии – так назывались жрицы Дельфийского оракула. Сначала там была одна пифия, а потом, когда она не стала справляться с работой, наняли еще двух, чтобы работали в три смены.

Предсказывали пифии таким образом. Сначала они должны были выпить воды из священного источника Кассотиды, затем сжевать несколько листьев благородного лавра и усесться на золотой треножник, который стоял прямо над трещиной, откуда тянулся ядовитый дымок, зародившийся в недрах Земли. Теперь трещина закрылась, и определить состав газа, который приводит пифию в возбужденное состояние, невозможно. Но трезвые греческие наблюдатели утверждали, что пифия, нажевавшись листьев и надышавшись газами, начинала нести

непонятную чепуху, а окружающие старались сообразить, что ее слова означают. Для толкований рядом стояло несколько дельфийских жрецов, которые специализировались в дипломатии. Они переводили бред на нормальный греческий язык, но всегда старались оставить предсказание как можно более туманным. Впрочем, лучшие предсказатели всегда так делали. В историю вошел один замечательный случай хитрости дельфийских жрецов. Как-то к оракулу приехал лидийский царь Крез, богатейший, как известно, скопидом той эпохи. Ему вздумалось повоевать с персами, и он интересовался, чем это для него кончится. Итак, пифия надышалась газом и начала бормотать что-то невнятное. Жрецы посоветовались и сообщили царю, что оракул устами пифии сказал следующее: «Крез, Галис перейдя, великое царство разрушит». Галис был пограничной речкой, а великое царство, как понимал Крез, было Персией.

Оставив жрецам немало драгоценностей за хорошее предсказание, Крез отправился воевать и по дороге, по словам Геродота, повстречал известного мудреца Солона, которому сообщил, что теперь он не только богатейший, но и счастливейший человек в мире. На что Солон мрачно ответил: «Вот когда будешь помирать, тогда и подводи итоги». Или что-то подобное.

Крез посмеялся над пессимизмом известного ученого и поспешил перейти реку Галис. Перешел, потерпел сокрушительное поражение от персов, был взят Ксерксом в плен и вскоре задушен. Но перед смертью еще успел поднять международный скандал, требуя сатисфакции от пифии и жрецов оракула.

На что жрецы вежливо ответили:

– В жизни мы еще не делали более точного предсказания. Мы же предсказали, что великое царство Лидия будет погублено в результате заносчивости Креза, так и случилось. Надо слушать, что тебе говорят, а не то, что хочешь услышать.

Вот к таким людям и отправился за советом Эгей.

История умалчивает о том, какой вопрос Эгей задал оракулу, но, судя по ответу, догадаться нетрудно.

Вот что ответила пифия (в редакции жрецов и обработке поэта):

«Нижний конец бурдюка не развязывай, воин могучий, раньше, чем ты посетишь народ пределов афинских».

– Что это значит? – вопрошал царь Эгей. – Я хочу жениться, а вы мне про бурдюки!

Но жрецы больше ничего не сказали, и расстроенный Эгей поехал домой.

Путь его, как проверила по атласу Кора, лежал на юго-восток, в сторону Фив и Афин. Но вместо прямой дороги он удалился на юг, в Арголиду, и как-то остановился переночевать в городке Трезене, где правил царь Питфей. В те времена в Греции царей было почти столько же, сколько крестьян. По нашим меркам, Трезена была небольшой деревней, но раз Питфей считал себя царем, да еще хвастался родством с некоторыми второстепенными богами, то к нему и относились соответственно – ведь древние греки были доверчивыми людьми.

Питфей Эгея, конечно, знал, тот наверняка приезжал в Афины за покупками.

За ужином гость пожаловался на Дельфийского оракула. Что еще за бурдюк? Что еще за пределы афинские?

Питфей насторожился. Предчувствие удачи укололо его.

Он принялся подливать вина уставшему с дороги гостю, и в конце концов тот согласился перейти в опочивальню.

Как только Эгей уснул, Питфей призвал к себе свою дочку по имени Этра. Дочка как дочка, ничем не приметная, замуж отдать трудно, потому что приданое незначительное, а сама красотой не блещет. А тут такой случай!

– Дочка! – горячо прошептал Питфей. – Маме ни слова, она этого не перенесет. У меня есть к тебе деловое предложение, которое сделает нас богатыми и знатными.

– Говори, папа, – ответила умная девушка.

– В гостевой опочивальне у меня храпит царь Афин Эгей.

– Слыхала.

– Ему только что предсказали в храме Аполлона вот что. – И Питфей повторил дочке предсказание.

Сначала она не поняла, но, когда папа раза два стукнул ее жезлом по голове, она воскликнула:

– Нижний конец бурдюка – это та штучка, которая есть у мужчин, да?

– Умница!

– А развязывать – это значит...

– И ты будешь в этом участвовать!

– Ну что вы, папа, я же девушка!

– Сегодня ночью ты станешь матерью великого принца и будущего царя столичного города!

– Ах, папа, мне так стыдно! – ответила Этра, но более не спорила с родителем.

Папа лично отвел дочь в опочивальню, где храпел Эгей, подтолкнул к его ложу, а дальше девушка сама занялась обработкой спящего гостя.

И это ей удалось, что говорит о некотором жизненном опыте Этры. «Хотя, возможно, – подумала Кора, – я клевету на принцессу. Порой можно обойтись и без жизненного опыта».

Утром Эгей с некоторым удивлением увидел на своем ложе женскую головку.

Он вскочил с ложа, и разбуженная Этра тоже вскочила, стараясь тонкими ручками прикрыть обнаженное тело.

Тут, разумеется, вбежал отец Питфей и поднял страшный скандал ввиду того, что Эгей, напившись допьяна, нарушил закон гостеприимства, обесчестил дочь хозяина и теперь намеревается сбежать.

– Ничего не помню, честное слово, ничего не помню, – сказал Эгей и пошел завтракать.

За завтраком Питфей открыл глаза гостю на события прошедшей ночи.

– Припомни-ка, мерзавец, – сказал он молодому царю, – что тебе пифия предсказала.

– Нижний конец бурдюка не развязывай, воин могучий, – произнес Эгей. – И это... Раньше, чем ты посетишь народ пределов афинских.

– Теперь слушай правду жизни, – сказал Питфей. – Народ пределов афинских – это мы, трезенцы, от нас до вас морем полдня ходу. Понял?

– Понял.

– Нижний конец бурдюка – это, прости, твоя мужская часть. А развязывать ее – это значит переспать с женщиной. Прямее пифии тебе сказать не могли, они сами девушки, стесняются.

– Понял, – сказал угнетенно Эгей.

– Значит, ты, надругавшись над моей невинной дочкой, по сути, выполнил предсказание пифии. Развязал в пределах. Так что я тебя прощаю, и давай играть свадьбу.

Эгей, который, в сущности, не был подлецом, даже обрадовался, потому что хотел иметь семью и ребенка. Но он разумно возразил потенциальному тестю:

– Я не могу подвергнуть риску жизнь твоей милой дочки. Как только мой брат и племянники узнают, что я женился, да еще на твоей дочери, они ее убьют. У тебя какое войско?

– Ну какое там войско – может, с десятков гоплитов наберется.

– А их пятьдесят богатырей, один другого страшнее.

– Тогда бери мою дочь и бегите куда-нибудь подальше, скрывайтесь в горах и лесах, по примеру героев древности, в конце концов твои высокие родственники за тебя вступятся...

Говоря это, на самом деле Питфей так и не думал – своей дочке он желал трона в Афинах, а в крайнем случае остается надежда, что прошедшей ночью удалось зачать наследника престола.

На то же самое надеялся и Эгей.

Не в силах обещать Этре венец и семейное счастье, он согласился оставить в Трезене доказательство своего отцовства. Он снял сандалии и отстегнул свой меч. Обыкновенный меч, неплохой, а на рукоятке родовой герб – изображение змей. Потом он сказал Питфею: «Вот когда мой сын родится да подрастет, пускай он отвалит камень и достанет из-под него обувь и оружие. И идет ко мне. Я его сразу узнаю».

И с этими словами Эгей поднял значительную скалу и придавил ею меч и сандалии. Затем поцеловал на прощание Этру, велел ей беречь будущего ребенка и ускакал в Афины...

А Коре надоело читать сказки, и она отправилась на танцы в общий салон.

* * *

День за днем Кора читала не только популярную литературу, но и источники на древнегреческом языке, и потому она скоро прониклась особенной, дурманящей, ветреной, жаркой атмосферой Древней Эллады.

Ей уже не терпелось возвратиться к никем не читанным страницам старых книг и узнать, что еще придумал наивный интриган Питфей. Впрочем, о его уме высоко отзывались современники. А как дела у Этры? Не округлился ли ее животик под девичьим хитомом? А как удастся оправдать такую неожиданную беременность? Правда, древние греки в таких случаях нередко валили все на пролетавшего мимо бога – боги были страстными, любвеобильными и совершенно необязательными. Сделают ребеночка и тут же подсовывают его неведомо кому на воспитание.

Но в тот вечер Коре не пришлось продолжить увлекательное чтение и она не узнала, чем же кончилась история с дурнушкой Этрой. Потому что когда Кора, полюбовавшись веселыми танцами в салоне, направилась в бассейн, чтобы окунуться перед сном, дорогу ей преградил охранник дамы Рагозы.

– Госпожа агент, – сказал он, глядя мимо такого ничтожного существа, как Кора, – ее высочество снизошло до встречи с вами. Так что спешите, охваченная счастьем.

– Слушайте, передайте вашей даме, что со мной так не разговаривают. Я еще не решила, снизойти ли мне до встречи с герцогиней. Так что спешите обратно, охваченный счастьем.

– Как так, как так? – озлобился охранник, наморщив низкий лоб в попытке понять, что же произошло.

Кора опытным взглядом окинула его мышцы и поняла, что он ей не соперник. Мышцы у него были накачаны, но совершенно не развиты. Такого кинет любой мальчишка в секции дзюдо.

– Выполняйте, – сказала Кора и продолжила свой путь по широкому пустому коридору к своей каюте за купальником. – А то с тобой случится то же, что с твоим напарником.

Охранник неосмотрительно догнал ее и схватил за локоть.

– А ну, тебе говорят...

Дурак, что схватил за локоть, этим он облегчил Коре задачу. Она легонько двинула локтем, и охранник улетел назад по коридору и так неудачно врезался своей маленькой, коротко остриженной головой в стену, что прошло минут десять, прежде чем он смог подняться и вернуться к своей госпоже, чтобы доложить ей о неудачной миссии.

Тем временем Кора успела переодеться и дойти до бассейна, небольшого, пятидесятиметрового, совсем пустого в это время суток, когда большая часть пассажиров уже поживает, а остальные коротают время в ресторанах или на дискотеках либо балуются эротическими или географическими трипами в ВР – малыми приключениями наподобие снов.

Когда, проплыв под водой полсотни метров, Кора вынырнула у противоположного края бассейна, она увидела, что там на складном стульчике сидит дама Рагоза, у ее ног на бортике бассейна – большая бутылка водки «Абсолют», ведро со льдом и два бокала.

– За встречу, – сказала она Коре.

– Мы с вами путешествуем в разных классах, – ответила Кора и снова нырнула. Когда она показалась на поверхности, герцогиня, субтильная и хрупкая, как никогда прежде, стояла на краю бассейна.

– Подождите, – окликнула она Кору. – Ведь не я вам покупала билет. Очевидно, ваша организация экономит на комфорте агентов, и это очень прискорбно. А вы мне понравились, и когда перейдете на работу ко мне, то будете всегда летать вместе со мной в «люксе». Как вам нравится такая перспектива?

Конечно же, дама Рагоза была совершенно права, и это было тем более обидно, что Кора уже несколько лет блюла абсолютную верность ИнтерГполу и лично Милодару, получая при этом в основном тычки и зуботычины. Любой охранник в банке или на автостоянке получал вдвое больше ее.

С этой грустной мыслью Кора нырнула на дно бассейна и залегла там, временно отключив дыхание. Так она могла пробыть под водой минут десять. Через пять минут Коре стало скучно, и она решила, что герцогиня уже ушла.

Ничего подобного. Герцогиня сидела на стульчике и сосала из бокала водку. Господи, подумала Кора, какие у нее тонкие ножки – всю жизнь ходи и трепещи, что сломаются.

– Я на вас не обижаюсь, – крикнула она Коре. – Я понимаю, что вы человек подвластный и безропотный. К тому же одинокая женщина.

– Почему одинокая? – удивилась Кора, откидывая голову назад, чтобы волосы падали на шею прямо и ровно. – В любой момент...

– Ах, сколько тысяч лет мы, женщины, повторяем эту фразу, – вздохнула герцогиня, – но это не скрашивает нашего одиночества.

– Я была замужем, – сообщила Кора. – И это не доставило мне удовольствия.

– Неточно, – возразила герцогиня. – Сначала это доставило тебе удовольствие, но оно кончилось раньше, чем тебе этого хотелось. В этом горе всех неудачных браков. Мы забываем первые ночи, а помним последующие дни, хотя в любви достойно лишь начало.

Кора выбралась из воды и села на край бассейна. Герцогиня протянула ей бокал.

– Неспортивно пить в бассейне, – сказала Кора.

– Никто не увидит. Все ушли спать. А дверь сторожит мой охранник. Кстати, простите, что ему пришлось сделать вам больно.

– Мне? Больно?

– В коридоре, когда он передал вам мое вежливое приглашение, вы ответили ему грубо, и он был вынужден чуть-чуть сжать ваши прекрасные пальчики.

– Ну и мальчик, ну и лжец! – вздохнула Кора. – Вы не могли бы его позвать сюда?

– Пожалуйста, – удивилась герцогиня и щелкнула пальцами. В пальцах, видимо, была микрокнопка, потому что через секунду дверь в отсек отворилась и появился охранник. На его лбу темнела небольшая шишка.

– Он самый, – сказала Кора. – Пускай подойдет и покажет, каким образом он сжал мои прекрасные пальчики.

– Не обращайтесь внимания, – сказал охранник. – Я вас уже простил.

– Надеюсь, он у вас не трусоват? – спросила Кора.

– Гера, подойди к девушке, – рассердилась герцогиня. – Что еще за спектакль? И не делай ей очень больно. Я же знаю, какой ты бываешь грубый.

Пожалуй, поняла Кора, он для нее больше чем охранник.

Гера подошел и остановился в трех шагах.

– Нет, ты показывай, показывай. – Кора рассердилась. Она не любила, когда за ее спиной распространяли сплетни, и тем более унижительные. – Мучай меня!

Эти слова, произнесенные с женским подвыванием, видимо, возымели на Геру действие, и он ринулся к Коре. Что и требовалось.

Она чуть отступила в сторону, выставила ногу, подтолкнула летящий мимо нее снаряд весом в сто килограммов, и тот ухнул примерно в середину бассейна, выплеснув половину воды, едва не утопив субтильную герцогиню, которой удалось спасти лишь бутылку с водкой, а сам скрылся на дне, и герцогине, после того как она пришла в себя, пришлось умолять Кору, чтобы она вытащила Геру из бассейна, пока тот еще жив.

После этого Кора с дамой Рагозой отошли в сторонку к деревянной скамейке и принялись за мирным разговором распивать бутылку. Причем, надо признать, пила в основном дама Рагоза, а Кора, хоть и была специально натренирована в этом деле, частенько пропускала очередь и проливали водку на пол – ей было противно вспоминать вчерашнюю попойку у Милослава.

– Придется мне менять охрану, – с грустью произнесла дама Рагоза. – Не оправдывает моих надежд.

– Не расстраивайтесь, – ответила Кора. – Я же профессионал, иначе бы меня и не следовало посылать на важные задания. А ваши местные козлы для драк и мордобоя вполне годятся.

– Они хорошо стреляют, – добавила дама.

– Вот видите, и стреляют хорошо. Из рогатки?

– Из чего?... Ах, вы шутите! Из бластера!

– Расскажите мне об оракуле, – попросила Кора. – Я сейчас как раз читаю о древнегреческих оракулах, а у вас, оказывается, есть свой!

– Я с самого начала поняла, что вы мне не доверяете, – сказала герцогиня. – Вас послали, чтобы меня разоблачить?

– Нет, чтобы уточнить ваши показания и понять, откуда к оракулу попали сведения, которые вас встревожили.

– С неба, – уверенно сообщила герцогиня. – Он имеет прямой контакт.

– Вот я и хочу проверить выключатель, – сказала Кора.

Они выпили, глядя, как приходит в себя Гера.

– Женщина в наши дни должна уметь постоять за себя, – заметила дама Рагоза.

– Я надеюсь, что вы умеете это делать, – ответила Кора.

– Вопрос правильного воспитания. У нас, девочка, в благородной семье обязательно проходят курс мести.

– И сложный курс?

– Три-четыре года.

– Разные предметы?

– Конечно, мы проходим интригу, яды, изготовление ловушек, теорию доносов – много предметов.

– И отравленное оружие?

– И разумеется, отравленное оружие, – дама Рагоза ловким незаметным движением вытащила из широкого пояса кинжал, упругий и тонкий, острый настолько, что его жертвой стал пролетающий мимо комар, Кора успела заметить, как лезвие отхватило ему ножку.

Кинжал исчез в одежде герцогини так же незаметно, как появился.

– Вы опаснее меня, – призналась Кора.

– Конечно, – согласилась герцогиня, – я же благороднее тебя.

Для Кору это не было аргументом, но спорить она не стала.

– Я хочу тебе рассказать о моем племяннике, – сказала дама Рагоза, когда они почти покончили с бутылкой. – Густав – чудесный, честный мальчик, он не хочет быть нашим королем. Вот если ты его найдешь и поговоришь с ним по душам, то поймешь, что для него самое важное – физика и счастье народа.

– Это несовместимо, – возразила Кора.

– А в нем сочетается. Посмотри на его фотографии.

Дама вытащила из своей сумочки изящную книжечку с фотографиями принца Густава. Вот он в младенческом возрасте лежит в колыбельке, согнув в коленях ножки и делая пальчиками какие-то неспешные движения. А улыбка у него глупая-преглупая. Вот мальчик подросток. Он стал курчавым и серьезным. Он стоит, опершись локтем на какой-то декоративный столб, на нем рубашонка, подпоясанная ремешком, и короткие штанишки. А вот принц, одетый в гвардейскую форму, готовый принимать парад полка, шефом которого состоит. Мундир сидит на нем кривовато, каска налезла на брови, выражение лица страдальческое.

– Парады и смотры он не выносил, – пояснила герцогиня, – и участвовал в них из чувства долга, потому что народ ждал от него этого.

Следующая фотография – принц уже на Земле, в обыкновенной свободной непритязательной студенческой одежде. На носу – очки. Почему-то принц не захотел носить контактные линзы, как остальное человечество, а предпочел старомодные очки.

– У него сильная близорукость? – спросила Кора.

– Он носит очки, когда читает, – сказала герцогиня. – А так он обычно обходится без них.

Вот еще фотография – принц в библиотеке Московского университета. Он сидит за столиком, свет настольной лампы падает на страницы открытого фолианта, принц так углубился в чтение, что не заметил фотографа. У него были длинные темные волосы, длиннее, чем Кора ожидала. На концах они завивались. Нижняя губа показалась Коре слишком полной и чуть капризной, нос с небольшой горбинкой и высокой переносицей. Если его соответственно одеть, то в Греции он может сойти за аборигена.

Вот, наконец, последний снимок. Он сделан на улице. Веселая студенческая компания смеется чему-то перед объективом. Справа – Густав. Рядом с ним невысокая плотная девушка с широкими скулами и раскосыми глазами. Она держит его за руку. Наверное, это та бурятка, о которой так строго отзывалась герцогиня.

– Из-за этой девицы все и началось, – повторила герцогиня свое обвинение.

– Не похоже, – сказала Кора. – На этом снимке она за него держится, а не наоборот.

– Это все азиатская хитрость! Не прошло и семестра, как она ушла от него к курсанту Лукавому. У них в марте будет ребенок. Мы проверили.

– Почему-то вам хочется убедить меня в страшной вине этой девушки, которая давно уж перестала думать о Густаве, да и он о ней забыл.

– Вы меня не поняли! Уйдя от него, бурятка подорвала в Густаве уверенность в себе, столь необходимую для королевской особы.

– Вы уверены, что именно она в этом виновата?

– Она первопричина.

– Значит, были другие причины, о которых вы предпочитаете умолчать?

– Остальные причины были вторичными. – Дама Рагоза умела быть упрямой.

– Вы можете мне узнать о них в Рагозе?

– Нет, – отрезала герцогиня. – Я вас не приглашала в Рагозу и не намерена вас там опекать.

– Я была уверена, что действую в ваших интересах и по вашей просьбе. Боюсь, что и комиссар Милодар был уверен в том же.

– Никогда не говорите, девочка, за своего комиссара Милодара. Он самая хитрая бестия, с которой мне приходилось сталкиваться за последние годы. Он оскорбил меня недоверием, послав тебя за мной шпионить!

– Но зачем это комиссару?! – возмутилась Кора. – Еще вчера он и не подозревал о вашем существовании. Вы прилетели, вы пожаловались, вы попросили, наконец...

– Глупышка! Твой комиссар служит ИнтерГполу. ИнтерГпол – Галактическому центру. Галактический центр контролирует наши ценные природные ископаемые. А если к тому же окажется, что он владеет половиной акций компании «Виртуальная Реальность», я также не удивлюсь. Поэтому интересы какой-то там герцогини лишь предлог вмешаться в наши внутренние дела.

– Тогда зачем же вы к нам обратились?

– Чтобы потом меня не допрашивали, почему я не обратилась, – загадочно ответила герцогиня.

Кора не сразу нашлась, что еще сказать... И молчание нарушила вновь дама Рагоза. Она склонилась вперед, опрокинула ополовиненную бутылку и смотрела с интересом, как водка струйкой льется в бассейн.

– Вы мне нравитесь, – сказала герцогиня, не отрывая взгляда от струйки. – И я очень надеюсь, что найду в вас искреннюю сочувствующую натуру. Мы могли бы с вами подружиться. И если все закончится ко взаимному удовлетворению, то вас ждет заслуженная награда. Я обещаю вам рагозское дворянство и имение в хорошем районе. Вы не откажетесь?

– Мне никогда еще не предлагали дворянства и имения. Так что я просто боюсь отказываться, – сказала Кора. – Снова не предложат.

– Мне нравится ваше чувство юмора, – сказала герцогиня.

«В самом деле она надеется меня перекупить или это только игра? И ей важно вывести, зачем я лечу на Рагозу? Впрочем, я сказала ей правду. А в правду трудно поверить».

– Если у вас найдется для меня несколько минут, – сказала Кора, стараясь перехватить инициативу, – я бы хотела задать вам несколько вопросов.

– Уже допрос? – со слабой улыбкой произнесла дама Рагоза.

– Нет, любознательность.

– Я к твоим услугам, девочка.

Дама Рагоза перевернула бутылку в нормальное положение и убедилась, что в ней осталось как раз на одну порцию. Ее-то она и выпила из горлышка.

Кора терпеливо ждала, пока дама Рагоза кончит пить. Сделав последний глоток, она кинула бутылку через плечо. Из дверей бассейна выскочил маленький служебный робот, который ловко подпрыгнул, схватил бутылку и укатился прочь. Кора подумала, что, может быть, его специально здесь держат для этой цели – у знатных обитателей Рагозы есть странный обычай кидать пустые бутылки через плечо.

– Чего же ты молчишь, деточка? – спросила дама Рагоза. – Мы уже начали дружить, правда?

– Расскажите мне, пожалуйста, о Рагозе.

– Для этого есть справочники.

– Мне хотелось бы услышать о королевстве из ваших уст – просто и доходчиво, чтобы даже я поняла, что к чему.

– Какое наивное лукавство! – воскликнула дама Рагоза. Она закрыла лучистые глаза и задумалась. – Самое главное, – сказала она наконец, – заключается в том, что в Рагозе есть два древних клана. Мы – собственно Рагозы, и клан Дормиров – младшая и недостойная ветвь королевского дома, не имеющая прав на престол, но нередко поднимавшая восстания против нашей законной власти. Густав – наша надежда, Кларенс – из клана Дормиров – надежда грязной оппозиции.

Это уже была нужная информация.

– Значит, ваш племянник связывает свои права на трон с результатами ВР-кризиса? А разве у ВР-кризиса могут быть результаты? Это то же самое, что ждать результатов от прочитанной книги или просмотренного фильма.

– Но он же в этом участвует!

– Разве может быть качество участия?

– По-видимому, вы ничего не понимаете! Разумеется, можно участвовать хорошо или плохо. Можно прославиться в ВР-круизе или полностью провалиться.

– А кто узнает об этом?

– Душенька, вы как будто вчера родились! Ведь фирма «ВР» выдает сертификат успеха! По крайней мере у четырех принцев королевской крови и двух герцогов висят на стенах кабинетов такие сертификаты. А еще у двух десятков ничего не висит, хотя они в круизах были. Вы меня понимаете?

– Еще не совсем, – призналась Кора. – Ведь если во время путешествия в виртуальной реальности вам не грозит смерть, чего же бояться?

– Бояться можно многого помимо смерти, – мудро заметила фарфоровая герцогиня. Она достала из своей жемчужной сумочки длинную черную наркотическую сигарету и закурила, не предлагая Коре. Впрочем, Кора никогда не курила и не любила, когда курят рядом. К тому же на лайнере «Нирвана» повсюду висели строжайшие надписи, запрещающие курить. Преимущество общественного положения дамы Рагозы заключалось в том, что она могла не обращать внимания на надписи с запретами.

– Бояться можно увечья, – продолжала герцогиня, затягиваясь, – боли, унижения, насилия, навязанной тебе любви, а то и ненависти. На то и придуман страх, чтобы человек менялся перед его рожей и терял свое достоинство. Не так много знатных молодых людей нашей планеты решаются на ВР-круиз, хотя и существует негласное правило, по которому наследник княжества или большого состояния обязан пройти хоть небольшой круиз. Допустим, вы можете стать спутником Колумба, и самое большее, что вам грозит, это морская болезнь либо наглые поползновения стосковавшихся по любви соседей по кубрику, если вы меня понимаете...

Герцогиня выпустила струйку дыма. Над бассейном распространилось тонкое дурманящее облако запрещенного наркотика.

– Или стрела индейца, направленная в тот же самый не прикрытый доспехами зад.

Хрупкая фарфоровая леди была холодна и цинична. Что на самом деле движет ею? Маска ли – этот холодный цинизм, маска ли – любовь к пропавшему племяннику? Или все это – отсветы большой политики маленькой Рагозы?

– Это значит, – спросила Кора, отворачиваясь, чтобы не вдыхать удушающий аромат, – что ваш племянник избрал необычный круиз?

– Как комиссар мог ничего вам не рассказать!

– Он не успел, – ответила Кора. – Когда он получил вашу жалобу, то прежде всего он вызвал меня и отвез на стадион, чтобы показать, что такое виртуальная реальность. В последние годы я работала в примитивных условиях и немного отстала от современных развлечений.

– Счастливая девочка. Если бы у меня был сын и если бы ты была достаточно знатной, я бы его на тебе женила.

– Зачем?

– Представляешь себе, – искренне ответила маленькая герцогиня. – У всех телохранители. Два метра в плечах, два сантиметра лоб. А у меня хорошенькая девица. Но я говорю тебе: «Хватай!» – и ты их раскидываешь голыми руками!

– А вы кровожадная, дама Рагоза.

– В нашем скорпионнике иначе не проживешь, – сообщила герцогиня. – Но моя кровожадность – это защита от хамства. Я как та слабенькая маленькая зверушка, которая кидается на громадного дракона, чтобы защитить своих детенышей. Да, я оскаливаюсь. Но, честно говоря, мои зубки для этого никогда не были приспособлены. И если бы почти весь наш клан не был уничтожен в заговоре Монтегасков, я бы оставалась нежным цветком, каким природа меня и создала.

Фарфоровая герцогиня грустно оглянулась в поисках бутылки. Не нашла и удовлетворилась затяжкой сигареты.

Какие-то шумные туристы вторглись в отсек бассейна, размахивая полотенцами и надувными спасательными кругами. Герцогиня щелкнула пальцами, и в дверях появились оба телохранителя. Возникла какая-то суматоха, давка, писк... Кора хотела было подняться, чтобы прекратить это безобразие, но тут услышала, как глава туристического семейства виновато произнес:

– Но мы же не знали, что бассейн закрыт на профилактику. Простите, но нигде не написано...

И воцарилась тишина. Туристы принадлежали к тому большинству населения Галактики, которое убеждено, что если им сказали «нельзя», то этому есть разумное основание. В действительности за запретами, как правило, разумных оснований нет, а есть чье-то эгоистичное желание.

– Мой племянник избрал самый уникальный, дорогой и трудный ВР-круиз, – как ни в чем не бывало продолжала герцогиня. – Даже Одиссею и Гераклу пришлось проще, чем Тесею. Вы уже прочли его биографию?

– Я читаю, – честно призналась Кора. – У меня с собой книги и кассеты.

– Читайте внимательно. И если вы отправитесь следом за ним в виртуальную реальность, учтите, что это самая жестокая из всех возможных реальностей.

– Ему так нужно было испытать себя?

– Я не знаю, что ему было нужно! – Пустой бокал герцогини полетел в бассейн. Он утонул не сразу, а почему-то сначала подпрыгнул на водной глади, разбив ее, затем легко скользнул в глубину. – Я знаю, что этой его глупостью, этой непростительной глупостью воспользуются наши враги. И погибнет наш род, и будут истреблены все Рагозы до седьмого колена...

– Неужели у вас так строго? – спросила Кора.

– У нас подло, – ответила герцогиня и прикорнула на скамеечке.

Охранник заметил это движение повелительницы, подошел к скамейке, взял хрупкую и невесомую герцогиню на руки и унес из бассейнового отсека, стараясь не встречаться глазами с Корой.

Коре пришлось снова нырять в воду, доставать со дна бокал, потом снова сушить волосы. Так что она попала к себе в каюту лишь через полчаса. И прежде чем заснула, успела познать лишь небольшой отрезок биографии своего героя.

* * *

Тесей рос в мирном Трезене, жил в царском дворце, больше похожем на обширный крестьянский дом. Излишне любопытные соседи и прохожие интересовались, как же так Этра понесла без мужа и даже без очевидного возлюбленного. Царь Питфей, беспокоясь о репутации дома и судьбе своего внука, которому всегда могли угрожать пятьдесят дядей, подробно рассказал любопытствующим, как его милая дочка купалась в море, ее увидел сам морской бог Посейдон и вспылал к ней неуголимой страстью. Он преследовал ее по прибрежным кустам, а потом настиг под одним фиговым деревом, да так настиг, что дочка стала его невенчанной супругой, каковых у Посейдона, как известно, по нескольку в каждом царстве. Если кто из любопытных не верил, Питфей советовал ему обратиться в ближайший храм Посейдона и выяснить эту проблему у его жреца, а то и выйти на берег и обратиться непосредственно к отцу ребенка. Никто этого не сделал – проще было поверить или сделать вид, что поверил старому царю. Возможно, по нашим меркам, царь и не был таким старым, но в те времена смертные старели быстро.

Мальчик, которого называли Тесеем, рос подвижным, шустрым, драчливым. Но был неглуп, хорош собой и крепко сложен.

Мать в нем души не чаяла и мечтала, чтобы он унаследовал Трезен, но старик Питфей вел себя иначе. Дело в том, что он не отказался от высокой ставки, сделанной им несколько лет назад, – Афины или ничего!

Он торопил Тесея расти, тренировал его тело, заставляя бегать, поднимать тяжести, бороться со сверстниками, не забывая, правда, и о духовном развитии ребенка. Грамоте, счету и началам идеалистической философии мальчика обучал известный в тех краях ученый Коннид, о котором Плутарх писал, что «афиняне до сих пор приносят ему в жертву барана за день до праздника в честь Тесея. Они помнят его и чтут несравненно больше, нежели Силаниона и Паррасия, рисовавших портреты Тесея и делавших его бюсты». То есть Плутарх намекает на то, что афиняне ставили науку выше искусства.

«...Господи, – оборвала себя сонная Кора. Количество водки, которое ей пришлось проглотить в последние два дня в компании хрупкой фарфоровой герцогини, удручало ее желудок и мозг. – Зачем мне знать, кто и чему учил Тесея, которого я, может, и не увижу? Может, принц Густав уже вернулся домой и учит физику?»

...Тесей подрастал, и неугомонный Питфей раз в неделю после тренировки вел его к большому обломку скалы, лежащему на заднем дворе дома, и велел поднимать его. Мальчик покорно тужился, но камень не двигался с места, а мать Тесея, Этра, кричала в окно:

– Прекратите издеваться над ребенком, если он надорвется, то кто его будет лечить? Грыжа – это на всю жизнь.

Но на следующую неделю все начиналось снова. И так год за годом.

Тесей и не подозревал, что под камнем, который он никак не может перевернуть, лежат отцовские меч и сандалии, должны изменить всю его жизнь и жизнь окружающих царств.

Когда Тесею исполнилось двенадцать лет, дедушка позвал его на прогулку по окрестностям и остановился перед крупным обломком скалы, лежавшим у дороги буквально в ста шагах от питфеевского дома.

– Мой мальчик, – произнес дед, поглаживая волнистую седую бороду. – Я должен открыть тебе тайну. Под этой скалой лежат сандалии и меч твоего отца Эгея, который правит в славном городе Афинах.

– Как так? – не понял мальчик. – Ведь мне же говорили, что мою мать изнасиловал...

– Тесей! Где ты нахватался таких понятий?

– Прости, дедушка, я хотел сказать, что моей мамой овладел сам Посейдон. Так что я рассчитывал быть его сыном.

– Никто не отнимает у тебя Посейдона. Считай его своим отцом, сколько пожелаешь! Он как бы останется отцом номер один, а отцом номер два, но реальным, земным и нужным для будущего, мы будем считать царя Эгея.

Тесей задумался. Ему надо было все понять и взвесить. Потому что для своих двенадцати лет он был развитым подростком. В конце концов он кивнул и спросил: а почему сандалии и меч лежат под скалой?

Такая реакция на сообщение дедушки, конечно, непонятна и даже невероятна для мальчика наших дней. Он знает, что его папа – либо генерал, либо шофер генерала. Но на двух пап ни один ребенок не согласится. В Греции было проще. И существовало немало детей, которые совершенно официально признавали своими отцами кого-нибудь из смертных, а также пролетавшего мимо бога. Двухотцовство было преимуществом и открывало политические перспективы. Поэтому Тесей совершенно не расстроился, узнав, что помимо бога в папах у него числится и царь.

– Эти предметы, – пояснил дедушка, – положены под скалу Эгеем.

– Зачем?

– Видно, ему хотелось бы увидеть тебя сильным и решительным.

– Значит, как от болезней лечить, пеленки стирать, в школу водить, это вам с мамой? А папе подавай готового богатыря? – спросил Тесей, не скрывая иронии.

– Мальчик, не надо так говорить о царственном отце, – ответил дед. – Лучше попробуй приподнять скалу.

Тесей попробовал, но тщетно. И они с дедом вернулись домой.

А сам Эгей между тем забыл о мимолетном ночном приключении. Больше того, он наконец женился, да так удачно, что все пятьдесят племянников царя прикусили языки и попрятались по своим небольшим поместьям.

Но всему на свете бывает конец. Тесей умнел, рос, расширял кругозор, много времени проводил в гимназии, занимаясь спортом, и в конце концов вырос в славного молодца, одного из самых крепких в Трезене. Неизвестно, хорошо ли он себя вел, но сведений о каких-нибудь особенных хулиганских поступках Тесея не сохранилось. Из будущих его подвигов и приключений станет ясно, что он был хорошим товарищем, готовым ради друзей на жертвы и подвиги. Не жаловался на Тесея и его учитель Коннид. В общем, в отличие от всех остальных греческих героев Тесей вырос славным добрым парнем.

Наконец наступил великий день для старого Питфея.

В присутствии деда, матери и нескольких слуг Тесей приподнял обломок скалы...

* * *

– Просим внимания уважаемых пассажиров. Наш лайнер проходит в галактической близости от планетной системы Вартлос. Пассажиров, сходящих на Вартлосе с пересадкой на местный рейс на Рагозу, просим собраться на нижней палубе и у терминалов А и Б.

– А и Б сидели на трубе, – сказала Кора, потягиваясь. Она вчера так и заснула над жизнеописанием древнего героя Тесея, и теперь голос корабельного информатора превратил все эти приключения и чудеса в обыкновенный собачий бред. Какой еще Тесей при пересадке с терминала Б?

В каюте было зябко и почему-то сыро. Кора включила туалет, стенка напротив койки уехала вниз, обнаружив унитаз и умывальник. Очень мило, но не романтично.

Собирать Коре было почти нечего, правда, груз ее был необычен – вряд ли кто-нибудь возит в космических лайнерах старинные книги в переплетах и с буквами на страницах.

Кора выбрала самый неизвестный и скромный из своих туалетов, она здесь – ничто, она – открытое для шепота ухо, прищуренные глаза, ее нет, есть только приемник информации, правда, лично знакомый герцогини дамы Рагозы.

Кору никто не встречал, кроме сдержанного в движениях агента Космофлота, относительно молодого человека с лицом, украшенным небольшим шрамом на подбородке. У агента была простодушная улыбка, и звали его Мишелем.

Небольшой зал Космопорта на Рагозе был шумно переполнен встречающими. Оказалось, что дама Рагоза пользовалась здесь известностью не меньшей, чем в других местах популярные певицы или спортсмены. Некий седовласый, облаченный в вышитый халат господин надел на розовую шейку дамы гирлянды из фиолетовых цветов. К обниманию и щекоцелованию потянулось несколько десятков дам различного возраста в шляпах от широкополых до аэродромных. Почему-то многие из встречавших привели с собой домашних животных – отчего было немало лая, мяуканья и даже блеяния. Неподалеку от Кору остановилась миловидная курносая девица с птичьей клеткой, в которой суеился маленький попугайчик. Представитель Космофлота Мишель представил ее как Веронику, которая отвезет Кору в гостиницу. Сам он задержался, чтобы договориться об отправке почты.

Они медленно пробивались сквозь толпу, попугай покрикивал на собак и кошек; дама Рагоза заметила Кору, помахала ей тонкой ручкой и улыбнулась... «И улыбнулась королева улыбкой слез, улыбкой слез» – это было из какого-то древнего романа, который любила напевать бабушка Настя в вологодской деревне.

В машине, лимузине десятилетней давности, раскрашенном, как цирковой клоун, которой управлял пожилой шофер, они направились в гостиницу.

За окнами проплывал обыкновенный, толком не приобретший индивидуальности, пограничный колониальный мир, который напоминал Землю с опозданием на десятилетия и в то же время находился под влиянием Галактического центра, лишённого прошлого, памяти и традиций. В Рагозе еще не научились как следует убирать мусор, но постройки были импозантные: с чего-то скопированные и безвкусные здания парламента, верховного суда и оперного театра, который, разумеется, использовали под биржу. Машин было мало, доставлять их космосом накладно, а собственные дубликаторы, разумеется, работали из рук вон плохо.

По пути из гостиницы Вероника замучила Кору вопросами о принце Густаве; оказалось, она принадлежала к армии его поклонниц. О том, что принц из патриотических побуждений, решив проверить себя, прежде чем стать настоящим королем, отправился в невероятно опасный ВР-круиз, она уже знала, как, видно, и все в Рагозе. Потом она прошептала, прижимая к себе клетку с птичкой:

– А вы слышали главную тайну?

– Нет, уважаемая Вероника, – вежливо ответила Кора.

– Поклянитесь здоровьем моей птички, что эта тайна умрет между нами.

Между ними не было места, чтобы умереть тайне, потому что девица прижималась к Коре горячим боком, но Кора не стала возражать и тут же поклялась.

– Так знайте! – громко прошептала девица. – Нашего принца во время ВР-круиза должны убить! Какой ужас!

– А вы откуда знаете?

– Это страшная тайна.

На перекрестке мальчишка сунул в открытое окно машины газету. Девица кинула ему монетку и раскрыла газету на первой странице.

Там красовался грубо отретушированный портрет Кору и было написано:

«Агент ИнтерГпола № 3 прибыл в столицу Рагозы, чтобы провести предварительное расследование надвигающейся смерти принца Густава. Убийцу, как подозревают, надо искать в одном из высших кланов».

Переведя эти строки, девица сказала:

– Я за вас боюсь. Они постараются от вас отделаться.

И она оказалась пророчицей.

Именно в этот момент из толпы людей, ожидавших на краю тротуара зеленого света, выдвинулся черноволосый юноша в черных очках и синем плаще и кинул гранату в машину Кору. Граната рванула под колесами, двери на другой стороне вырвало взрывной волной, и девушек выбросило на улицу под колеса встречного транспорта, который, к счастью, вовремя завизжал тормозами, и потому все остались живы, хоть и поцарапаны.

К сожалению, погиб попугай – на него упал шофер. Пока Вероника рыдала над тельцем птички, а толпа, собравшаяся в ожидании «Скорой помощи», выражала свое возмущение, шофер сказал:

– Достанут они вас, точно говорю – достанут!

– Но кому я мешаю? – удивилась Кора.

– Вы мешаете сильным мира сего, – ответила из толпы высокая женщина с большим потертым портфелем в руках. – Наш принц Густав пропал, но мы, представители простого

народа, продолжаем надеяться на его возвращение. И нас подавляющее большинство жителей планеты.

Женщина неожиданно побежала, за ней последовали другие любопытные, и пространство вокруг очистилось, в нем появились полицейские машины, и полицейские сразу начали оттеснять людей еще дальше, оцеплять мостовую, искать осколки гранаты и задавать пустые вопросы. Потом приехала карета «Скорой помощи» и забрала всех пострадавших.

Свое первое на Рагозе интервью Кора взяла у космофлотовской Вероники, которая юридически начинала рыдать, жалея птичку, но Кора умело поворачивала беседу в нужном направлении.

Они сидели заклеенные пластырем и кое-как перевязанные в приемном покое скорой медицинской помощи и ожидали, пока из центрального распределителя привезут противостолбнячную сыворотку и сделают им уколы. Медик, потрясенный тем, что лечит агента ИнтерГпола, объяснил, что вакцину и прочие ценные лекарства держат на центральном складе для удобства распределения, но Вероника, как только он покинул кабинет, пояснила, что этот центр распространения расположен в элитарной специальной больнице, потому что хорошие лекарства привозят с Земли или из Галактического центра и они слишком дороги, чтобы тратить их на кого ни попадя.

– Раньше, – популярно объяснила Вероника, – мы жили в отсталом, можно сказать, средневековом обществе – так часто случается, если частица цивилизованного общества отрывается на большое расстояние и закукливается. Постепенно, с развитием контактов, мы расправили крылья, но получилось так, что первыми расправили их наши благородные кланы, те, что нажились в свое время на рудниках и теперь не намереваются делиться с остальными.

– Где вы учились? – удивилась Кора правильной и даже скучной речи ее собеседницы.

– Не принимайте нас за отсталых дикарей, – улыбнулась Вероника. – Я училась в столичной школе, у нас даже некоторые преподаватели были с Земли, по контракту. Потом поступила на химический факультет – не думайте, что это легко сделать обыкновенной девушке, даже не дворянке.

Кора согласилась, что нелегко.

– А потом не смогла найти работу, – продолжала Вероника. – Кланы, которые поделили между собой Долину, не заинтересованы в том, чтобы там добывалось много ископаемых. Они уже достаточно нажились за время редкоземельной лихорадки и вложили капиталы в фонды Галактического центра. Так что мне повезло, когда я нашла место у Мишеля... то есть в Космофлоте. И я не жалею, честное слово, не жалею!

Девочка влюблена в своего Мишеля, поняла Кора.

– Значит, богатство планеты стало тормозом ее развития, – сказала Кора.

– Правильно! Семнадцать семейств, которые делят власть в Рагозе, – потомки экипажа первого разведывательного корабля, открывшего Долину. С тех пор они так и не выпустили власть. Им выгодно, чтобы все оставалось как в сказке с королями, принцами и князьями.

– А вам смешно?

– Нам не смешно. Нам грустно. Мы живем, как в закрытой банке консервов. И потому наши надежды связаны с принцем Густавом.

– Почему?

– С тех пор как он окончил школу, он не скрывал отвращения к клановому заповеднику. И тот факт, что он улетел учиться на Землю, тоже о многом говорит, вы понимаете?

– Значит, в вашей Рагозе найдется немало людей, которые порадуются, если принц не вернется?

– К сожалению, да. Вы же видите... – Вероника погладила пустую помятую клетку. Попугая она уже закопала в клумбу у входа в приемный покой. Вероника заплакала, а Кора терпеливо ждала, когда она успокоится.

– Он был как человек, – сказала Вероника. – Он все понимал, и, по-моему, он был умнее многих людей. А они его убили.

– Значит, кланы поделили между собой Долину? – спросила Кора.

– Да.

– Но они не равны между собой?

– Конечно же, нет. Есть богатые кланы, а есть такие... одно название!

– А клан Рагозы?

– Он самый сильный. Из него обычно и выбирают королей.

– Он всегда был и есть самый сильный?

– Ну как вам сказать... конечно, есть и другие, которым это не очень нравится. Например, клан Дормиров. У них есть принц Кларенс. Они считают, что престол должен перейти к Кларенсу... Но это так сложно и неинтересно.

– Может быть, это не очень интересно для тех, кто живет здесь всегда, а мне это очень интересно. Мне ведь надо понять, что грозит вашему Густаву.

В этот момент в приемный покой ворвались врачи с коробкой, в которой лежали спецшприцы и спецсыворотки. О чем они не уставали твердить все время, пока заканчивали процедуры.

Потом девушек и шофера отпустили. Но машины, чтобы довезти их до гостиницы, в больнице не нашлось. Пришлось идти пешком, причем, до гостиницы «Люкс» было недалеко.

В гостинице они подверглись атаке небольшой группы журналистов, уже знавших о покушении. Обнаружилось, как и следовало ожидать, что в машину гранату кинул какой-то земле-ненавистник, абсолютно сумасшедший, которого уже вернули в психиатрическую лечебницу.

В номер удалось прорваться лишь через полчаса, и Кора без сил рухнула на постель.

– Я вам больше не нужна? – спросила Вероника. Вид у нее был ужасный, волосы встрепаны, вся в пластырях, в руке пустая клетка.

– Я вам так благодарна, – сказала Кора. – Извините, что я не могу проводить вас. Но завтра я хотела бы встретиться с оракулом Провала.

– Ой, зачем он вам?!

– Завтра, завтра я все расскажу, – пообещала Кора.

* * *

На следующее утро, в половине восьмого, в тот момент, когда Кора досматривала самый интересный сон, позвонил представитель Космофлота Мишель и сказал, что заказал завтрак в ресторане гостиницы.

Так и не узнав, чем кончился сон, Кора поднялась, проклиная планеты, на которых труженики поднимаются с пением петуха.

Мишель был не один. Вероника стояла рядом, свежая, душистая, пухленькая, маленькая; единственно, что нарушало гармонию, – аккуратные кусочки пластыря, наложенные на вчерашние царапины.

– Как вы себя чувствуете? – спросил Мишель, печальный, как французский мим.

– Все зажило или заживет, – ответила Кора. – Главное, что нам повезло.

– Кому как, – сказал Мишель, и Кора поняла, что он имеет в виду. А Мишелю хотелось объяснить причину своей печали, но он был деликатен и потому промолчал.

Они прошли в длинный низкий зал ресторана. Завтрак никуда не годился, потому что Мишель поселил Кору в самом шикарном отеле «Люкс», в котором повара старались придерживаться британских колониальных традиций. Кора представила себе гнев Миллодара, когда тот узнает о расходах, понесенных организацией из-за расточительности Космо-флота.

Британские колониальные традиции выразились в овсянке и яичнице с беконом. Но овсянка здесь изготавливалась из куколок каких-то мелких бабочек, а яичница из яиц ящерицы куруаны. К счастью, Кора узнала об этом заранее и ограничилась жидким «импортным» чаем и вчерашней булочкой. Зато труженики Космофлота накинудись на бесплатный завтрак, словно специально голодали две недели. Чтобы рассеять возможные сомнения Кору, Мишель смущенно сказал, что стоимость питания включена в представительские расходы, а Вероника давно мечтала отведать жареных яиц куруаны.

– Кора, – признался Мишель, уже к ней расположенный. – Я тебе должен сказать, что забочусь о твоих интересах по официальному запросу ИнтерГпола. По официальному. Иначе нельзя – если бы я сделал что-то втайне, меня сразу бы выслали, потому что здесь и без того подозревают, будто я не столько агент Космофлота, сколько агент ИнтерГпола. Это смешно, правда?

Но глаза Мишеля не смеялись. Кора поняла, что он и на самом деле агент ИнтерГпола, и послушно посмеялась за него.

– Вероника рассказала, что вы вчера болтали о кланах и о принце Густаве. Наивно болтали, по-женски.

– Да, конечно, ничего интересного, – ответила Кора, и Вероника радостно улыбнулась. В отличие от землянина Мишеля она была пуганой местной жительницей.

– И куда вы хотели бы съездить? Какие достопримечательности вы хотели бы увидеть? Водопады? Заповедник сов?

– Пока что меня интересует одна достопримечательность – так называемый оракул Провала. Когда можно его посетить?

– Я уже звонил ему с утра, – сказал Мишель, признавая этим, что заранее обсудил проблему с Вероникой. – Он согласен вас принять сегодня. В одиннадцать-двенадцать. Обычно к нему записываются за год.

Вероника нервно разгладила скатерть.

– Может быть, вам не стоит с ним встречаться? – предположила она.

– Почему? Он мне нужен как свидетель по делу, которым я занимаюсь.

– Он злобный реакционер. – Вероника перешла на шепот. – Всем известно, что он предсказывает те бедствия, которые выгодны сильным мира сего. Буквально до смешного... Ну скажи, Мишель, скажи!

– Разумеется, он очень популярен, – осторожно произнес Мишель, предварительно оглянувшись. – И влиятелен. Но в конечном счете Вероника права. Многие убеждены, что он находится на содержании у некоторых сильных кланов.

– Точнее, у клана Дормиров, к которому принадлежит принц Кларенс, – уточнила Вероника.

– Соперник Густава? – Кора уже начала вживаться в местную политику.

– Именно так! – сказал Мишель. – Но все это было бы только смешно, если бы он врал. Но он угадывает! Угадывает важнейшие события! Вы не представляете, насколько ему у нас верят.

– До смешного, – сказала Вероника. – Я человек несуетерный, но иногда поражаюсь его ловкости. Может быть, за этим что-то есть... Ведь экстрасенсы существуют?

– Пока что в Галактике я их не встречала, – ответила Кора. – Ни одному из экстрасенсов не удалось нарушить законов физики. А это уже утешает.

– Жалко, – призналась Вероника. – Я в школе не выносила физику и всегда надеялась, что найдутся какие-нибудь волшебники или маги, которые эту проклятую физику отменяют.

– Заодно с грамматикой? – спросила Кора.

– Ах, – согласилась Вероника, – вы говорите, словно льете мед на мои раны!

– Так что же он предсказывает? – спросила Кора.

– Он предсказывает неурожай и засухи... – пискнула Вероника.

- Ну уж и засухи!
- У него на зарплате заместитель директора метеоцентра, – сообщил Мишель. – Только об этом нельзя говорить.
- Убьют? – спросила Кора.
- Нет, высмеют, а потом посадят в сумасшедший дом.
- Дело так плохо?
- Плохо настолько, что когда оракул вечной жизни...
- Как вы сказали?
- Официально его зовут Амитаюс, Будда вечной жизни... Так вот, когда он предсказал в прошлом году пограничную войну между двумя небольшими кланами, то оба клана собрали армии и начали пограничную войну.
- А когда он предсказал прорыв плотины в Горноречье? Помните? – сказала Вероника.
- К сожалению, помню. Плотины рухнула. От взрыва. И кто ее взорвал – так и не выяснили. А предсказание сбылось – и это главное! И погибло несколько сот человек.
- Одни его любят и трепещут... – сказала Кора.
- А другие ненавидят и тоже трепещут, – сказал Мишель, который, как землянин, имел право на скептическое мнение. Вероника положила ладонь на его руку, чтобы остановить.
- Здесь всюду уши, – прошептала она.
- Оракул любит выступать по телевизору, читать лекции, заколдовывать воду, предсказывать результаты местных выборов... Но главное его выражение: «Я никогда не ошибаюсь!»
- «И если я предскажу день своей смерти, то умру в тот же день», – закончила цитату Вероника.
- И я убежден, что в королевстве есть тысячи людей, которые желали бы, чтобы он сделал такое предсказание, – тихо сказал Мишель, изучая узор на скатерти.
- Скорее всего, не дождетесь, – сказала Кора. – Такие люди себя берегут.
- Боюсь, что так, – согласился Мишель. – Ну что ж, поехали?
- Когда они вышли в обширный, но низкий холл гостиницы, Вероника, все так же вполголоса, обратилась к Коре:
- А о чем вы его хотите спросить? Если это не секрет?
- Для вас не секрет. Этот оракул объявил даме Рагозе и, возможно, другим лицам, что принца Густава убьют во время ВР-круза.
- Все знают об этом! – подтвердила Вероника. – Я сама, кажется, вам об этом говорила.
- Но меня интересует – откуда он получил такую информацию, – сказала Кора.
- Оттуда, – показал Мишель пальцем в потолок. Он пропустил Кору в дверь.
- Милый Мишель, – сказала Кора. – Подобно вам, я верю в законы физики, а они гласят: слухи и сплетни распространяются от человека к человеку без посредства высших сил, которые заняты своими делами.
- Хорошая теорема, – согласился Мишель.
- Аксиома, – возразила Кора.
- Было прохладно, собирался дождик. Мишель нервно раскрыл зонт, потом закрыл его снова. Кора спросила:
- А где ваша машина?
- И по тому, как вздрогнул Мишель, поняла, что допустила бестактность. И тут же вычислила какую. Кора прилетела из мира, где машин или подобных им средств передвижения изговаривается столько, сколько нужно. Если у тебя что-то случилось с флаером или мобилем, ты берешь со стоянки другой... Но сейчас-то она в чужом мире. В мире, где машина – предмет престижа, где машины дефицитны и недоступны подавляющему большинству жителей Рагозы.
- Вашу машину взорвали из-за меня, – сказала Кора.

– Я напишу и отправлю на Землю рапорт, – сказал Мишель. – И они пришлют новую машину через два года. Да еще с выговором... А как нам работать?

– Как только вернусь на Землю, я сразу же пойду в Космофлот, – сказала Кора.

– Они будут с вами очень вежливы. Они мастера избавляться от неудобных посетителей.

– Но как же вы будете без машины?

– Буду брать напрокат, когда прилетают корабли. А так... обойдемся. Здесь есть общественный транспорт, – сказал Мишель, разводя руками и становясь еще более похожим на французского мима.

– Это не общественный транспорт, – возмутилась девушка. – Это общественное безобразие!

– Вероника!

Мишель поднял руку. Притормозило такси.

– К оракулу, – объявил Мишель. Водитель подозрительно покосился на пассажиров, но ничего не сказал.

– Интересно, кому я так помешала? – поинтересовалась Кора.

– Наверное, клану Дормиров, – предположила Вероника. – Это они хотят убить нашего Густава, чтобы трон достался тупому Кларенсу.

Выслушав Веронику, Кора обернулась к Мишелю.

– Не знаю, – тихо сказал тот. – Я не могу для себя ответить на вопрос: что выгоднее для клана Рагозы – посадить ли на трон законного короля из собственного клана, который ставит своей целью задачу ликвидировать кланы и превратить Рагозу в государство нового типа... или договориться с другими кланами и отдать трон чужому, но послушному королю?

Кора не стала отвечать на вопрос, обращенный не к ней.

Вероника ахнула:

– Ну как ты мог так подумать!

Машина свернула на пальмовую аллею фешенебельного района.

– Будьте осторожны, – прошептала Вероника на ухо Коре. – Если он предсказывает смерть, то человек обязательно умирает. Уже были случаи... Не злите его.

– Это не входило в мои планы, – призналась Кора.

Перед узорчатыми железными воротами Кора, попрощавшись, вышла из машины.

В воротах ее встретил мажордом в ливрее, с деревянным жезлом.

Кора поглядела на светящуюся электрическими лампочками вывеску над воротами: «ОРАКУЛ ПРОВАЛА».

– Что это означает? – спросила она. – Где у вас провал?

– Вам объяснят, мадам, – ответил мажордом. – Господин оракул ожидает вас в голубой гостиной, как раз у провала.

Фонтаны журчали на разные голоса, птицы вторили фонтанам, а бабочки, что кружились над клумбами, старались удержаться в колорите высаженных там цветов.

Господин оракул встретил Кору в вестибюле. Он стоял, опершись ладонью о белый бок мраморной Венеры.

– Кора, милая, – сказал он. – Как радостно и трогательно тебя увидеть вновь!

Оракул удивил Кору. И не столько странным приветствием, как тем, что оказался нестарым человеком, лет тридцати пяти, аккуратно, по местной моде, причесанным и одетым. Одна прядь была покрашена в голубой цвет и, завитая, падала на правый глаз – ну точно как у знаменитого певца, имя которого Кора, к своему стыду, забыла.

– Мне очень приятно, – сказала Кора, направляясь к оракулу и протягивая руку. – Но я не помню, когда мы встречались.

– Ах, Кора, Кора, – укоризненно произнес оракул, улыбаясь лукаво и добродушно. Был он неестественно гибким, словно вместо костей в нем находился упругий резиновый костяк. –

Мы же были дружны в прошлой жизни, в конце двадцатого века... Ты была императрицей Жозефиной, а я маршалом Фошем.

Несмотря на ограниченные знания в истории, Кора сообразила, что ее морочат, ибо оракул сам никогда ничего не читал, кроме детективов Чейза и Шейнина.

– Ах, извините, – Кора подхватила тон оракула. – Как я могла запомнить! Вы же взяли Бастилию и подарили мне открытку с ее видом!

– Не Бастилию, – поправил Кору оракул, – а Измаил. Но разве это столь важно?

Он жестом пригласил Кору в голубую гостиную.

Стены, потолок и даже пол этой обширной комнаты были стеклянными; за стеклами находился слой воды, подсвеченный голубыми лампами. В воде плавали рыбки и головастики. Зрелище было впечатляющее и не лишённое приятности.

Посреди пола чернело круглое отверстие диаметром в три метра.

– А вот и провал, – ласково произнес оракул. Незаметно для окружающих, но, разумеется, не быстрого взора Кору, он нажал носком ботинка на кнопку, чуть выступающую из пола у двери, и из черного колодца вырвался клуб голубого дыма. – Адские силы, – легко и почти весело заметил оракул. – Именно в них я обретаю способность видеть будущее.

Он указал на золотой треножник, на котором лежала подушечка, и Кора поняла, что именно там он восседает.

– А где вторая кнопка? – спросила Кора.

– Какая кнопка? – насторожился оракул.

– На которую вы наступите, чтобы дым прекратился, – и Кора показала на первую, у двери.

– Ах, это не имеет никакой связи, – сказал оракул. – Кстати, я забыл представиться. Обычно меня зовут моим мистическим именем Амитаюс, то есть Будда вечной жизни.

– Кора Орват, агент ИнтерГпола, – представилась Кора. – А у вас есть настоящее имя?

– У меня сотни имен, и все настоящие. Но друзья детства звали меня Оливером. Оливер Джадсон – в этом что-то есть!

Он уселся на треножник возле провала. Кора обернулась в поисках какого-нибудь стула.

– Тебе придется постоять, подруга моей предыдущей жизни, – сказал Амитаюс. – В моем присутствии никто не садится.

– В предыдущей жизни, – заметила Кора, – ты был куда лучше воспитан.

– Ты меня неправильно понимаешь, – ответил Будда вечной жизни, – субъективно я хотел бы, чтобы ты сидела или лежала в моем присутствии, а я стоял бы или лежал у твоих ног. Но мое положение обязывает меня к превосходству над тобой. Не сердись, моя милая, я ничего не могу поделать с общественным мнением. Здесь не только стены, здесь и потолок имеет глаза и уши. Мы живем в отсталом, пронизанном суевериями обществе.

Кора, конечно же, могла бы сесть и на пол, но ее сейчас интересовали не вопросы этикета, а факты. Идея о смерти Тесея во время ВР-кризиса, судя по показаниям его тетки Рагозы, исходила именно из этой голубой гостиной. Кто-то должен был принести ее сюда. Вряд ли она родилась в воображении оракула, которому хотелось набить себе цену. Но ничего нельзя исключать. Так что Кора продолжила разговор стоя.

– Уважаемый Будда, – сказала она, – я пролетела половину Галактики, чтобы насладиться лицезрением вашего мастерства.

– Что это означает?

– Я хочу, чтобы вы предсказали мне судьбу принца Густава.

– Невозможно, – улыбнулся оракул.

– Почему?

– Потому что я могу предсказывать судьбу лишь вам или вашим близким. Предсказания по заказу на других порочны, неэтичны и, главное, лживы. Иначе ко мне прибегали бы соседи по квартире, соперники в любви и всякая преступная шантрапа.

– Почему же дама Рагоза узнала от вас судьбу Густава?

– Дама Рагоза, да будут дни ее протекать в благополучии, – ближайшая родственница нашего будущего короля и повелителя. Как мог я отказать ей? Мне еще дорога своя шкура, простите за грубое выражение.

– И что же вы ей сказали?

– Я сказал то, что увидел в клубях дыма, которые вырвались из этого провала, достигающего центра планеты.

– И что же вы увидели?

– Я увидел исчезновение тела принца Густава в таинственном катаклизме, имеющем место в чужом для нас мире. Без надежды на воскресение. Окончательная терминальная смерть.

– Так не бывает. Человеку всегда можно подыскать другое тело или вырастить новое.

– Так бывает. Люди умирают навечно, если разрушен мозг.

– Вы рассказали это даме Рагозе? Почему она поверила вам?

Оракул Амитаюс длинным наманикюренным ногтем почесал маленькие усики – точно следы угля под тонким длинным носом.

– Мне верят все, – ответил он.

– Вы хотите сказать, что вы настоящий оракул?

– Разумеется, я великий оракул. Я вижу будущее.

– Что вы говорите! – возмутилась Кора. – Аксиома Вундеркинда гласит, что будущее увидеть нельзя, потому что оно еще не существует.

– Кому нельзя, – лениво ответил оракул, – а кому и можно. Таких, как я, всего два или три гения во всей Вселенной. Я могу заглянуть в будущее в любой момент.

– Дым помогает? – спросила Кора.

– Да, в частности, и дым. Если бы вы знали историю, то вам удалось бы узнать, что Дельфийский оракул сидел на треножнике над специальным дымом и входил в состояние.

– Теперь мне все понятно, – вздохнула Кора. – Вы читали что-то из популярных изложений, но не прочли, что оракул лишь термин, это символ, а не человек. А входили в состояние, по вашему выражению, лишь пифии.

– Вот именно, – неуверенно подтвердил оракул Амитаюс, – именно пифии. Крылатые богини! Я их видел, когда летал в прошлое!

– Значит, этот самый дым подсказал вам, что Тесея убьют во время ВР-круиза? – спросила Кора. – Терминально убьют?

Она протянула кончик башмака и легонько дотронулась до кнопки в полу. Клуб дыма послушно вырвался из провала. Запах у дыма был неприятный, с душком, наверное, адский.

– Прекратите хулиганить! – закричал оракул. – Я вас уничтожу! Вам мало неудачного покушения? Будет и удачное!

– Вы и об этом уже слышали, Джадсон?

– Не Джадсон, а Будда вечной жизни, Амитаюс!

– Скажите мне, Будда вечной жизни, а про покушение на меня вам тоже дым сообщил?

– Разумеется, – ответил оракул, отодвигая ногой носок Кору, чтобы вернуть себе контроль над извержением дыма.

– А теперь меня убьют удачно?

– Успешно, – ответил все еще недовольный оракул.

– Объясните мне, Вечный Будда, – попросила Кора как можно вежливее. – Кому я помешала на вашей благословенной планете? Я ведь прилетела всего на один день поговорить с вами и тут же улечу.

– Значит, помешали, – ответил оракул противным голосом мальчика, который знает какую-то гадость про старшую сестру, но сообщать ее не намерен.

– Я чего-то увидела, чего мне видеть не следовало?

– Может быть.

– Или услышала?

– Не исключено. – Оракул покачивал ножкой, обутой в золотой сапожок.

Господи, подумала Кора, сколько времени он проводит у зеркала!

– И теперь меня убьют окончательно?

– Сегодня же, – лучезарно улыбнулся предсказатель.

– Но предупреждаю, – заявила Кора, хотя нельзя сказать, что она получила удовольствие от такого категорического предсказания, – что, если меня сегодня не убьют, я вас дезавуирую.

Оракул не понял слова.

– Поясняю, – продолжила Кора. – Я всему свету раззвоню, что вы трепло, которое не выполняет обещанного. Не смог угробить простого агента.

– Тебе никто не поверит, – сказал оракул. – Мне все верят так, что я порой сам себя боюсь. Если я говорю, что будет война, они начинают ее в назначенный мною срок. Если я предсказываю смерть, человек ложится и перестает принимать пищу.

– Где-то я уже это слышала.

– Вы нигде этого не слышали, – сообщил оракул, – потому что я уникален.

– Последний вопрос, и я уйду навстречу смерти.

– Пожалуйста.

– Кто все-таки посоветовал вам распустить слух о смерти наследника престола?

– Ну вот, опять за свое! – завопил оракул. Он нажал на кнопку и скрылся в облаке дыма. Оттуда пахло адом и доносились проклятия в адрес Кору.

* * *

Добрые дела должны приносить доходы – таков принцип здравого смысла. Значит, надо спешить с добрым делом, иначе погибнешь, не успев принести пользы хорошим людям, из-за тебя же пострадавшим.

Кора взяла на стоянке такси, но не первое, а пропустив две машины. Сейчас ей нельзя было рисковать.

За ней следовала одна машина, почти открыто. Может, это была слежка, может – охрана. В сущности, это не меняло дела.

Намерения Кору были самыми прозаическими, так что скрываться не было смысла. Правда, она предпочла бы ехать по наиболее оживленным улицам. Почему-то убийцы предпочитают стрелять в тихих переулках.

Вот и центральный телеграф.

Кора взбежала по лестнице на второй этаж, в зал космической связи, и, пройдя во внутреннюю операторскую, показала дежурному свой знак и номер. Видно, для дежурного не было секретом пребывание на планете агента ИнтерГпола, и он провел Кору в святая святых – помещение грависвязи с Галактическим центром. Туда, не зная сегодняшнего кода, не мог войти даже король Рагозы.

Теперь Коре предстояло лгать.

Кора не любила лгать, хотя ей время от времени приходилось во спасение или в интересах службы. Сейчас ситуация была иная и потому тем более неприятная. Но выхода не было. Кора отлично знала, что правда ничего хорошего ей не принесет, а лишь испортит репутацию.

Связь дали минут через пять. Кора проверила звукоизоляцию камеры связи.

Милодар был на месте.

– Надеюсь, все в порядке? Ты узнала, кто стоит за этими сплетнями? – спросил он.

– Кое-что узнала. Кстати, на меня было покушение.

– Удачное? – деловито спросил комиссар.

– Пока я отделалась несколькими швами и ушибами.

– Везучая ты у меня, – сказал Милодар так, словно сам устраивал эти покушения, а теперь сокрушался в их провале.

– Срочно переведите мне десять тысяч триста двадцать два эку для подкупа. Деньги должны быть у меня, как только я доберусь от телеграфа до банка.

– А далеко до банка? – спросил Милодар, не ставя под сомнение требование агента, так как, зная психологию начальства, она назвала до нелепости точную сумму.

– Десять минут перебежками.

– Продолжают преследовать?

– Оракул полчаса назад предсказал мне, что последнее удачное покушение произойдет сегодня.

– Ты поосторожнее. – Голос Милодара дрогнул. – На моей свадьбе обещала погулять.

– Многое теперь зависит от вас. Деньги на бочку!

– А поменьше нельзя? – комиссар спохватился, что не поторговался с Корой.

– Поменьше нельзя. Могу провалить операцию.

– Верю, девочка, – сказал Милодар. Кора прекратила связь, поблагодарила дежурного и спросила, есть ли в здании запасной выход.

– Я вас провожу, – ответил дежурный. По дороге он сообщил: – Сегодня с утра во всех газетах пишут о покушении на вас. Говорят, что к вечеру состоится удачное покушение. Все-таки это хамство, а вы как думаете?

Дежурный провел Кору длинными подземными туннелями, где вдоль стен и потолка тянулись, повисая, многочисленные кабели.

– Я с вами совершенно согласна, – сказала Кора. – А кто, вы думаете, за этим стоит?

– Распространяет слухи, конечно же, оракул Провала, – прошептал дежурный. – А ему подсказывает младший Кларенс из клана Дормиров.

– А ему зачем?

– Нагнитесь, здесь может током долбануть, – предупредил дежурный. – А Кларенсу советует Кларисса. Он сам бы не догадался.

– Спасибо, – сказала Кора. Они как раз вышли к полуоткрытому люку, ведущему на задний двор телеграфа. Конечно, Коре хотелось бы поговорить еще – всегда хочется узнать что-то новенькое, если это касается твоего убийства, но дежурный отклонялся и ушел, сославшись на срочные дела. Для него смерть Кору была неприятностью, но не личной.

Итак, рассуждала Кора, пробираясь дворами и переулками к центральному банку. У нас есть цепочка: оракул – дама Рагоза – некий Кларенс-младший из клана Дормиров, который, если Кора не ошибалась, является главным соперником Густава в борьбе за трон и получает реальные шансы стать королем, если Густава забодает Минотавр. Но кто такая Кларисса и зачем ей убивать Кору? Появилось новое лицо, и это всегда интересно.

Без приключений, если не считать короткой схватки с бродячими собаками, которых Кора нечаянно отогнала от ящиков с мусором, считавшихся собачьей собственностью, она добралась до банка. У входа в банк кипела обычная жизнь, но ничего подозрительного Кора не заметила.

В банке она прошла сразу к менеджеру – он ее ждал. Гравперевод через Галактический центр поступил четыре минуты назад. Кора попросила выдать ей всю сумму наличными, что никого не удивило, потому что в Рагозе еще не обзавелись такими игрушками, как кредитные карточки или лазерные сканеры.

Семь тысяч Кора получила золотыми монетами в кожаном мешочке, который надежно привязала к поясу. Ни одна живая душа в этом городе не подумает, что кто-то может разгуливать по улицам так легкомысленно, если каждый вечер по радио не меньше трех часов перечисляются случаи нападений, насилий и убийств.

Остальные деньги, крупными купюрами, она положила в бумажник.

Все эти операции Кора провела в кабинете директора банка, у него на глазах. Тот старался не показывать своего изумления; в конце концов, сказал он на прощание, в каждой стране свои обычаи.

Напоследок Кора позвонила в представительство Космофлота. Мишель оказался на месте, он был рад, что Кора еще жива. Кора сказала, что им нужно встретиться – она нуждается в помощи для выяснения одной весьма важной для следствия детали. Мишель спросил только, где и когда. Он уже воспринимал Кору как стихийное бедствие, с которым простые смертные не спорят.

– Я попрошу также присутствовать Веронику, – предложила Кора.

– Ой, она ушла домой пораньше, – ответил агент. – Боюсь, что у нее легкое сотрясение мозга.

– Вызовите ее, Мишель. Я знаю, как ей помочь.

Мишель не ответил. Он боялся за свою Веронику и хотел, чтобы Кора, от которой исходил аромат близкой смерти, поскорее улетела.

– Я улечу сегодня же ночью, – сказала Кора. – Мне казалось, что у вас в расписании был указан местный рейс на внешнюю планету.

– Правильно! – Наконец-то в голосе Мишеля послышалось облегчение. – Конечно же, оттуда вы улетите куда легче и безопаснее, чем от нас.

– Через полчаса я жду вас в подземном гараже универмага, – сказала Кора.

– Вы уже знаете этот гараж?

– Я уже многое знаю, – ответила Кора. – Спуститесь туда из кафе нижнего этажа.

– Через полчаса? Я постараюсь успеть. Если Вероника сможет...

– И постарайтесь не приводить за собой «хвоста», – попросила Кора. – Мне надоели неожиданные встречи.

Повесив трубку, Кора поблагодарила директора банка за терпение, пригласила его на Землю, и тот вежливо принял приглашение, хотя они не уточняли, где и когда встретятся, как бы подразумевая этим, что такие известные персоны всегда отыщут друг друга на просторах Галактики.

Кора отказалась от сопровождения.

День уже кончался, на улице было тесно от спешащих по домам служащих, медленные потоки автомашин рывками двигались по мостовым, причем новенькие земные «Мерседесы», с молодыми аристократами или банкирами внутри, пробовали время от времени взлететь над общим потоком, и полицейские вяло осаживали их.

Если бы кто-то попытался сейчас убить Кору, ему пришлось бы пробиваться сквозь толпу.

Но Кора не стала задерживаться на ступеньках банка и, сбежав вниз за спиной солидного господина в широком плаще, согнувшись, затесавшись в толпу, и минут через десять уже была в центральном универмаге, занимавшем целый квартал.

Все ее дела в универмаге заняли десять минут, ибо сила чистого золота в кожаном мешочке с печатями центрального банка производит на продавцов неотразимое впечатление.

Агент Космофлота и его помощница опоздали минут на десять – попали в самый час «пик», а без машины, даже плохонького космофлотовского фургона, в городе проехать почти невозможно, потому что электрические дилижансы и поезда внутренней железной дороги движутся медленно, а в часы «пик» набиты настолько, что на конечных станциях дежурят кареты «Скорой помощи», чтобы извлекать трупы тех, кто не смог выдержать путешествия.

Они спустились на лифте.

Кора, стоявшая за широкой колонной подвального гаража и внимательно наблюдавшая, нет ли слежки, увидела их сразу, как они вышли и неуверенно остановились возле кабины.

– Если ее нет, это означает только одно... – начал Мишель. При слабом освещении он казался бледнолицым братом всего человечества.

– Что мы ее лишили? – спросила Вероника. Она покорно держала Мишеля за руку и ждала чего-то страшного.

– Спасибо, что так быстро откликнулись, – громко сказала Кора, чтобы не пугать их неожиданным появлением.

Лифт загудел и уехал наверх. В подземном гараже стало темнее.

Кора подошла к ним, улыбаясь.

– Не сердитесь, что я вас потревожила.

– Это наш долг, – ответил с облегчением агент Космофлота.

– Если говорить о долгах, – сказала Кора, – то, прошу вас... – Она сделала широкий жест рукой, показывая на новейший микробус – мечту каждой космической компании – со сложенными крыльями, на воздушной подушке, способный перевоплощаться в спальный вагон или грузовик, грузоподъемностью в шестнадцать тонн зерна, и в то же время, в обычных условиях, – комфортабельный лимузин на десять мест.

– Что это? – спросил агент Космофлота.

– Я возвращаю долг, – сказала Кора. – Из-за меня вы потеряли машину. Без машины работать здесь невозможно. Ваш Космофлот пришлет вам новую через полгода, причем устаревшую и страшно неудобную.

– Ой, как вы правы! – вмешалась Вероника. – Они уже это делали в прошлом году. – Она поцеловала Кору и всхлипнула от счастья.

– Но откуда у вас деньги? – спросил подозрительно Мишель, побледнев еще более.

Он знал, что Кора, как и он, – государственная служащая, то есть человек относительно нищий.

– Давайте уедем отсюда куда-нибудь в укромное место, где можно перекусить. У меня выдался трудный день, – ушла от ответа Кора.

Она указала Мишелю на водительское место, а сама уселась сзади. Рядом устроилась Вероника, которая была растрогана и все норовила дотронуться до Кору, погладить ее.

– И все-таки вы должны признаться мне, – настаивал Мишель, – как вам удалось добыть такие деньги? Это же невозможно.

– Если бы я сказала комиссару, что мне надо восстановить машину, которую из-за меня потерял Космофлот, он бы ответил...

– Я знаю, что он бы ответил, – улыбнулся Мишель, а Вероника счастливо засмеялась.

– Я сказала, что деньги нужны на срочный подкуп, на грязные делишки, на тайные убийства и всевозможную гадость, – сказала Кора. – Он и не пикнул.

– Я вам верю, – сказал Мишель. – И тем более вам благодарен.

– Когда будете ставить машину у ресторана, – предупредила Кора, – сделайте так, чтобы с дороги никто не видел, что я в ней ехала. Вы же не хотите, чтобы ее взорвали снова.

Мишель аккуратно выполнил совет. Он уже любил свой микробус.

Они вошли в небольшой загородный ресторанчик, где кормили дарами раскинувшегося рядом горного озера, – там были чудесные нежные крабы и суп из черепках.

– Что вы узнали у оракула, если не секрет? – спросила Вероника. Глаза ее сияли, как на новогодней елке, а пластыри ничем не могли испортить чудесного личика.

– Что и предполагала – он утаил ответ, ускользнул как червяк. Но потом я услышала от одного человека два имени. Так как одно из них мне незнакомо, я нуждаюсь в вашем совете.

– Все, что угодно, – сказал Мишель.

– Что вы знаете о принце кларенсе и девушке по имени Кларисса?

Кора отметила, насколько изменилось отношение к ней со стороны собеседников. Час назад она была не только союзницей, сорагницей, но и эмоционально чужой, ввергшей их в неприятности и опасность. Сейчас же она стала другом не потому, что подкупила их, а потому, что позаботилась, – в этом заключалась большая разница. Она понимала, что и сама могла оказаться на месте этих людей. И если утром они старались ей помочь, то сейчас они сделают для нее все, что в их силах.

– О Кларенсе вы уже слышали, – сказал агент Космо-флота. – Сам по себе он ничего не представляет, но за его спиной сгруппировались все те силы, что противостоят Густаву. Если Густав умрет – у Кларенса и его клана появляются реальнейшие шансы оттеснить клан Рагозы от власти...

– А наша планета останется такой же старой ведьмой, как и сегодня, – смело заявила Вероника. Владелица такого микробуса могла и забыть о робости.

– Значит, он заинтересован в смерти Густава?

– Он никогда не высказывался подобным образом, но его окружение не скрывает своих надежд. К тому же у нас ходят туманные слухи о дуэли между Густавом и Кларенсом из-за Клариссы.

– Она состоялась? Кто победил?

– Говорят, – Вероника была смущена. Всегда неловко плохо отзываться о своем кумире, – говорят, что Густав отказался от дуэли и улетел на Землю.

Кора отодвинула тарелку с недоеденным крабом, хотя краб был чудесным.

– Расскажите мне о Клариссе. Это что еще за роковая женщина? – спросила Кора.

– Вовсе не роковая, – воспротивился Мишель. – Это очень красивая и милая девушка, мисс Рагоза позапрошлого года. Когда Густав приезжал на каникулы, он влюбился в нее.

– Так почему все молчат о ней?! – воскликнула Кора.

– Вы об этом не спрашивали, – возразил агент Космо-флота.

– Это низкая продажная тварь, – сказала Вероника хрипло. Словно готовилась к пытке, но не собиралась сдаваться.

Впервые в присутствии Кору Вероника возразила своему Мишелю. Кора поняла, что угадала истинную причину конфликта, – видно, Кларисса была хороша и пользовалась при этом репутацией соблазнительницы.

– Простите, – обратилась Кора к Веронике, – и что же натворила эта продажная тварь?

– Ну нельзя же так! – укорил дам Мишель.

– Мишель, не перебивай меня, – сказала Вероника, хотя агент Космофлота и не собирался этого делать. – Все знают, что Густав в позапрошлые каникулы до смерти влюбился в эту охотницу за мужчинами и деньгами и даже объявил о намерении жениться на ней после окончания университета. Разве не так, Мишель?

– Это не было официальной помолвкой.

– Густав выше этого! Он дал слово Клариссе. Он совершил ради нее преступление...

– Ну уж, преступление! – прервал подругу Мишель. – У них это не считается преступлением.

– Не говорите загадками, умоляю вас! – взмолилась Кора.

– Говорят...

– Кора, учти, что все это только слухи и сплетни, – сказал Мишель.

– Сбором их я и занимаюсь на этой планете, – ответила Кора. – Так что меня не смущает такой вид информации. Продолжай, Вероника.

– Под каким-то предлогом она заставила его заложить родовое имение.

– А Густав не богат?

– После смерти его родителей все имения и участки редкоземельных элементов перешли под контроль клана. Если Густав станет королем, то он станет и главой клана. Сейчас глава клана – дама Рагоза.

– И он заложил родовое имение?

– Вероника права, – вмешался Мишель. – Судя по всему, Густав и на самом деле небогат. А когда он к тому же отправился учиться на Землю, то его шансы пошатнулись. Началась интрига против него, стали все чаще поговаривать, что стране нужен настоящий король, железный кулак, а не получивший образование черт знает где очкарик. Ну, вы понимаете...

– С трудом, – сказала Кора.

– Когда Густав улетел, Кларисса вела... как бы вам сказать... рассеянный образ жизни. Внешне скромница, тихоня... она подбиралась и подбиралась к принцу Кларенсу! – сказала Вероника.

– У нее было немало помощников, которые толкали ее в объятия Кларенса, – добавил Мишель.

– Ей, при ее любви к бицепсам, скоростным автомобилям и кожаным курткам, было трудно не кинуться в объятия к Кларенсу, – продолжала Вероника. – У него мышцы на руках – во! На ногах – во! А лобик – во-о-о-от такой малюсенький!

– Не преувеличивай! – улыбнулся Мишель.

– Принц Кларенс еще не успел произойти от обезьяны, – сообщила Вероника. – И именно это пленило нашу кошечку.

– И все же ты к ней жестока. Я допускаю, что она искренне увлеклась Кларенсом.

– Конечно. При условии, что она согласилась участвовать в заговоре с целью убийства Густава и лишения его трона. Тогда она получала трон и Кларенса.

– Но чем ей плох трон плюс Густав? – спросила Кора, зная ответ заранее.

– Да потому что она уже стала любовницей Кларенса и подружилась с теми, кто хотел видеть на троне именно его.

– Хватит, друзья. Мне почти все понятно.

– Подождите, мы еще не все рассказали! – возразила ей Вероника. – Разве вам не интересно, что случилось на балу, когда Густав два месяца назад прилетал сюда на каникулы?

– Любопытно, – призналась Кора.

– Шансы на то, что это правда, – минимальны, – сказал Мишель.

– Но у моей подруги двоюродная сестра была на том балу! – возмутилась Вероника. – Я же тебе говорила.

Мишель печально сделал шалашиком брови и устранился от разговора.

– Густав ничего не подозревает! – драматическим голосом воскликнула Вероника. К счастью, ресторанчик был пуст. – Он приезжал на бал с Клариссой. А там все уже подстроено. Он приглашает Клариссу на танец, но его опережает, даже отталкивает Кларенс. Мишель, не делай такое лицо – это видели пятьсот человек! Да, Кларенс отталкивает Густава и приглашает танцевать Клариссу. Густав терпит и делает вид, что ничего не случилось. Следующий танец. То же самое. И тогда Густав делает Кларенсу замечание. Он указывает ему на то, что Кларисса – его дама. А Кларенс хохочет ему в лицо в присутствии всей знати королевства и оскорбляет его, называя книжным червем, которому не видать такой бабы, как Кларисса. Но даже тут Густав ни о чем не догадался. Он стоял как дурак и говорил Кларенсу: как тебе не стыдно, братец. У Кларенса такое было прозвище в школе – Братец.

– Вероника!

- Это видели пятьсот человек.
- Извините, но это на самом деле видели пятьсот человек, – сказал официант. – Тесть моего кузена был там лично. Он полковник гвардейских мотоциклистов.
- Вот видишь! – обрадовалась союзнику Вероника.
- Ну и что дальше?
- А дальше Кларенс обозвал Густава жалким трусом.
- Ну!
- И Густав был вынужден догадаться, в чем дело, и вызвать Кларенса на дуэль на дубинах.
- На чем?
- На дубинах! Дуэли позволены только знатным людям. И последние двести лет их проводят только на дубинах.
- С ума сойти, – сказала Кора. – Куда я попала!
- Я с вами согласен, – снова вмешался официант. – Совершенно варварский обычай.
- Густав сказал: «Кларенс, ты понимаешь, что я теперь буду вынужден вызвать тебя на дуэль?» Это ужасно. Кларисса хохотала на весь зал. Кларенс тоже стал смеяться. Тогда Густав повернулся и ушел из зала.
- И что же?
- А ничего! – ответила Вероника. – Это тайна. Дуэль не состоялась. Никто ничего не понял. Они так здорово придумали убить Густава традиционным путем, а дуэль не состоялась. Теперь Густава многие презирают и говорят, что такому трусу не видать дуэли как собственных ушей.
- Вероника, никто ничего не знает! – повторил Мишель.
- Почему же, – задумчиво произнесла Кора. – Сколько у нас времени до отлета местного рейса?
- Часа четыре, – сказал Мишель.
- Тогда мне надо поговорить со свидетелем.
- С каким свидетелем? – спросил Мишель.
- Ну как ты не догадался? – воскликнула Вероника. – Конечно же, с Клариссой. Правда?
- Правда. А что она сейчас делает?
- Она затаилась. Говорят, что она встречается с Кларенсом, но тайком.
- Она ждет, пока принца убьют у вас на Земле, в ВР-круизе, – сообщил осведомленный официант. – Мороженое нести или вы спешите?
- Спасибо, мы спешим, – ответила Кора.
- Тогда потратьте еще три минуты, и я поведаю вам, что рассказал тесть моего кузена. Я помню его рассказ до последнего слова.
- Говорите, – сказала Кора, взглянув на часы.
- Принц Густав сказал, что он никогда в жизни еще не дрался на дубинах и не знает, как это делается, но он убежден, что любая дуэль с человеком, который в школе, вместо того чтобы учить алгебру и думать, какую пользу он принесет собственному народу, размахивал палками и дубинками, будет просто убийством. А он, Густав Рагоза, не намерен выступать в роли барана. Так что он отправляется на Землю, там он окончит университет, а через полгода, получив диплом, возвратится домой и перед коронацией готов встретиться с Кларенсом и дать ему удовлетворение. Вы бы видели, что тогда началось! Крики, хохот, издевки и даже возгласы одобрения!
- Почему возгласы одобрения? Насколько я понимаю, принц струсил и потерял лицо? – спросила Кора.
- Не совсем так, – сказал официант. – Ведь в танцевальном зале было немало нормальных людей, которые понимали, что Густава затащили в ловушку и хотят убить, чтобы захватить трон. А Густав, хоть на первый взгляд струсил и попросил немислимой полугодовой отсрочки

от дуэли, в самом деле поступил разумно. Ну зачем ему спешить подставлять голову под чужую дубинку? А формально он не нарушил никаких правил, потому что его право оскорбленного – назначить место и время дуэли. Что он и сделал. А сейчас или через полгода... Просто раньше никто до такого не догадывался.

– Когда же должен возвратиться принц Густав? – спросила Кора.

– Через полгода. Как сдаст государственные экзамены и получит диплом. И тогда же намечена коронация.

– Почему? – спросила Кора.

– Совет регентов передает власть королю в день достижения им совершеннолетия. А это случится через полгода. Тогда принцу Густаву исполнится двадцать лет и четыре дня.

– Что за странный возраст? – удивилась Кора.

– Это для вас – странный, а для нас – обыкновенный, – ответила Вероника. – Давным-давно, когда короновали первого короля Солнечной династии, это должно было произойти в день его двадцатилетия. Но как раз перед началом церемонии пошел страшный дождь. Наши предки в то время еще не умели делать крыши. Им пришлось попрятаться по пещерам и пережить его. Четыре дня бушевал ливень. Так что короновали первого короля, когда ему исполнилось двадцать лет и четыре дня. И с тех пор...

– Понятно, – сказала Кора, – с тех пор вы ждете, пока кончится дождик.

Никто не засмеялся.

– Спасибо, – сказала Кора официанту. – Вы очень помогли ИнтерГполу.

– Не может быть!

– Вы не рады?

– Теперь я как бы иностранный шпион...

– Мы никому не скажем, – улыбнулась Кора.

* * *

Отыскать нужный адрес, не привлекая при этом внимания убийц, которые, в чем Кора не сомневалась, охотятся за ней, было нелегко. Мишель несколько раз останавливал машину в узких пустынных вечерних переулках, а Вероника выскальзывала из микробуса и исчезала в темных подъездах или шепталась с бабушками, сидевшими на скамейках в сквериках, засеянных одинаковыми лиловыми цветами.

Потом она забилась в будку телефона-автомата, и минут через десять Коре показалось, что она вовсе забыла о ее существовании и обсуждает с подружкой модель нового платья. Мишель курил – он был настороже, – Кора ловила его на том, как он поглядывал в зеркальце заднего вида.

Наконец Вероника возвратилась с нужным адресом.

– Я поднимусь, – сказала она, – и скажу ей, в чем дело, – мы немного знакомы. Потом мы уедем. Я не хочу, чтобы Мишель рисковал. Ему здесь работать. Мы будем в Космопорте. Мы оформим вам билет на местный рейс.

– Ты права, – согласилась Кора, которая ценила преданность в других людях. И рада бы быть преданной кому-нибудь на этом свете. У нее же из близких людей оставалась лишь бабушка Настя... если не считать Милодара, который жертвует ею, как жертвовал многими агентами, если того требуют обстоятельства.

Машина остановилась, не доезжая метров пятидесяти до узкого дома, зажатого между другими, такого же рода двухэтажными зданиями, со следами некогда яркой, а ныне выцветшей краски. Отличала его от соседей лишь недавно покрашенная зеленая дверь.

Улица была пуста, если не считать женщины, катившей детскую коляску. Прежде чем выйти из машины, они просидели там минуты три, пока не убедились, что никто за ними не следит.

Наконец Вероника выбралась из микробуса и не спеша подошла к зеленой двери. Постучала в дверь деревянным молотком, висевшим на цепочке. Дверь приоткрылась и впустила Веронику. Кора и Мишель ждали. Они молчали. Мишель поглядывал на часы, он тревожился за Веронику.

Вероника вышла из двери и пошла к машине. Кора приоткрыла дверь. Девушка быстро нырнула в машину.

– Ей нужны деньги, – сказала она. – Иначе она не станет говорить.

– Сколько? – спросила Кора.

– Двадцать золотых. Вы наберете столько?

Это была небольшая сумма, малая часть того, что Кора истратила на новую машину для Космофлота. Затем Вероника отдала ей свою широкую короткую вышитую пелерину.

– Это вам на память, – сказала она. – И в знак благодарности.

– Спасибо, – одобрила Кора. – Так меня труднее узнать издали.

Вероника усмехнулась. Они поцеловались.

– Главное, учтите, что Кларисса больна жадностью. Блеск золота сводит ее с ума.

– Спасибо, я учту, – сказала Кора.

Как только Кора вышла из машины, та сразу рванула с места. Вероника обернулась и помахала Коре на прощание.

Кора подошла к новой зеленой двери.

Дверь сразу приоткрылась, приглашая ее зайти.

– Быстрее же! – послышался резкий женский голос.

Дверь тотчас закрылась за Корой, клацнул засов, звякнула цепочка.

В крошечной прихожей, где помещалась лишь вешалка для верхней одежды и откуда вели две двери и узкая лестница наверх, стояла небольшого роста согбенная женщина, одетая в бесформенное серое платье.

Заметив удивление Кору, она шепотом пояснила:

– Я бабушка Клариссы. Мы боимся покушений.

– Проходите, – послышался низкий хрипловатый голос из-за одной двери.

Кора вошла туда. Там ее поджидала Кларисса. Виновница всех злоключений принца Густава.

– Заходите и садитесь, агент Орват, – произнесла она. – Чем меньше мы будем разговаривать, тем спокойнее обеим. Мне сказали, что вы готовы купить информацию.

Кора смогла приглядеться к собеседнице, несмотря на то что шторы в комнате были закрыты, а лампа под потолком пряталась в коричневом шелковом абажуре.

Кларисса была рождена королевой – не происхождением или чином, а статью, голосом, профилем, тем сочетанием порой неуловимых деталей лица, фигуры и осанки, которые и рожают императриц, даже если такая императрица рождена на помойке. Но не верьте тому, что императрицы рождаются на помойке, это бывает настолько редко, что только подтверждает обратное правило.

Женщинам такого рода свойственно прирожденное умение носить любую одежду, как вечернее платье от Диора.

В тот момент на Клариссе были заштопанный домашний халатик и шлепанцы, что вовсе не портило общего впечатления, которое усугублялось столь невинным и простодушным взглядом фиалковых глаз из-под длинных черных ресниц, что не оставалось сомнений: эта императрица очень дорогая и очень порочная шлюха.

Кларисса поправила свои естественно пышные и почти не причесанные волосы.

Кора, которая не уступала ей ростом и также достигала шести футов с лишком, была, пожалуй, посильнее, побыстрее и даже стройнее Клариссы, но ощутила неполноценность своей быстроты и стройности – это была стройность овчарки, стройность львицы, стройность дикарки рядом с ланью, рядом с борзой.

Признав относительное поражение, Кора прошла в гостиную, аккуратную, как уголок у кровати старушки в богадельне. У окна, занавешенного плотной, хоть и потертой, портьерой, стоял небольшой письменный стол с тетрадками и книгами – почему-то именно он и привлек внимание Кору.

Кларисса перехватила ее взгляд и заметила:

– Я решила, что, когда мое имущественное положение улучшится, я поступлю в университет. Но, честно говоря, – тут она сдержанно улыбнулась, показав жемчужные зубы, – я плохо, легкомысленно училась в школе, и мне приходится догонять и догонять... Сегодня, например, я задумалась с утра, когда и где произошла битва при Акуензуаре?

– И что же?

Кларисса лукаво улыбнулась.

– Мучилась до самого завтрака, просмотрела весь учебник и даже энциклопедический словарь. А вы не знаете?

– Простите, но я плохо знакома с историей вашей страны.

– Конечно, то, что необходимо знать каждому нашему патриоту, для вас, жителей Галактического центра, – мышинная возня...

Кора промолчала. Ну чем она могла утешить эту красавицу, забывшую дату битвы?

– И знаете что? – вдруг воскликнула Кларисса голосом отличницы. – Я вспомнила эту дату!

Где же у нее рождается звук голоса? – подумала Кора. Наверное, за пупком. И на пути оттуда набирает глубину и надтреснутую звучность. Эта мысль помогла ей преодолеть гипноз присутствия Клариссы.

– Поделитесь со мной этим открытием! – попросила Кора.

– Оказывается, Акуензуар был предводителем странствующих монахов, которые вырыли пещеру Скупых слез, а битва была при Кензуаре. Представляете, какая я глупая?

Кларисса не улыбалась. Она показала Коре на низкую кушетку, а сама уселась на шатком стуле. Их разделил угол письменного стола.

Кларисса постучала по столу длинными холеными ногтями.

– Если бы не бабушка, я не смогла бы поддерживать в порядке руки, – сообщила она. – Ведь столько стирки и мытья посуды!

– Сколько я должна вам за информацию?

– Мое финансовое положение неблагоприятно, – официально ответила красавица. – Я оказалась игрушкой в грязной политической игре.

– Вам обещали за это заплатить?

– Не говорите глупостей. С такими людьми я не играю на деньги. В ином случае они теряют к тебе уважение и ты не получишь ничего. Я рассчитывала на брак с Густавом.

– Он обещал на вас жениться?

– Он поклялся в любви. Я была столь доверчива, что отдала ему все деньги на покупку учебников по физике.

В старинных романах писали в таких случаях, что глаза героини затуманились. Кора увидела именно это – глаза Клариссы заволокло туманом. Как будто из фиалковых они стали серыми, бездонными и непрозрачными, как опалы.

– Неужели у него не было своих денег на книги?

– Откуда у него деньги? – небрежно отмахнулась красавица от неприятного воспоминания. – Если только те, что тетя Рагоза давала ему на конфеты.

Глаза Клариссы неожиданно поменяли цвет и стали зелеными. Это было великое достижение, даже для такой красавицы.

– Вы лжете? – спросила Кора.

– Обычно меня обвиняют во лжи покинутые любовники.

– Вы не ответили на вопрос.

– А я и не хотела отвечать. – Кларисса засмеялась низким, глубоким смехом греческой богини.

Бабушка звенела чашками на кухне за тонкой стенкой.

– Значит, вы отдали возлюбленному все свои скромные сбережения на покупку учебников по физике... Простите, но я готова заплакать.

– Пожалуйста, здесь многие рыдают, – ответила Кларисса.

– Но потом оказалось, что он вас недостоин.

– Конечно, недостоин. Он улетел на Землю и не взял меня с собой, хотя мне так хотелось учиться в университете! – Кларисса нежно погладила тетрадку, лежавшую на краю стола.

– Значит, в вашем разрыве виноват только он? – спросила Кора.

– Все не так просто. – Кларисса возвратила глазам прежний фиалковый цвет. – Мне пришлось выдержать неприятный разговор с дамой Рагозой. Старая метелка предупредила меня, что я не проживу и дня после свадьбы с Густавом. Представляете мое состояние? Девочка, только что из школы, совершенно невинная, смущенная первой любовью, только-только расставшаяся с девственностью, – и вдруг услышать такие слова от женщины, на которую надеялась опереться и найти в ней мать вместо той алкоголички, которая бросила меня в приюте!

– Она так и сказала – не проживете и дня?

– У нас ничего так просто не говорится. – Кларисса откинула со лба непослушную прядь. – Дама Рагоза спросила меня, как я отношусь к отвару из кукольных орешков. О ужас, подумала я. Мне пришел конец!

– Почему?

– Потому что это страшный яд, от которого нет спасения. Половина злодейств в нашей истории совершена с помощью этого отвара. Сначала у жертвы выпадают волосы, потом – зубы, потом размягчаются кости... И ни один доктор ничего не докажет, потому что при этом человек остается совершенно здоровым. Он и умирает совершенно здоровым.

– Вы ей поверили?

– А кто меня защитит? Я не принадлежу к клану, у меня даже нет старшего брата.

– А принц Густав?

– Он бросил меня! Он променял меня на свои эгоистические интересы! О, как я его ненавижу!

Кора почему-то решила, что сейчас глаза Клариссы загорятся желтым пламенем. Но ничего не произошло. Красавица простодушно гладила Кору фиалковыми глазами, и лишь ее ногти выстукивали что-то нервное по поверхности письменного стола.

– Пока его не было, вы нашли нового поклонника?

– О, вам насплетничали, вам наклеветали! – вздохнула Кларисса. – Иного я и не ожидала. Вы знаете, в чем мое проклятие?

– В чем?

Глаза Клариссы заглядывали в душу и молили о пощаде.

– В моей красоте. Все мужчины планеты желают, чтобы я им принадлежала. Но мне нужны дом, семья, дети, университет, тихое семейное интеллигентное счастье. Вы меня понимаете?

– Я стараюсь вас понять. Но это трудно.

– А я не так проста, как думают многие. Почему-то считается, что ум и красота несовместимы. Подобно гению и злодейству. Так вот, они совместимы: гений, злодейство, ум, красота!

– Из всех поклонников вы выбрали принца Кларенса?

– У меня не было выхода. Я считала своим моральным долгом дожидаться возвращения неверного Густава. Принц же мог меня защитить. Не более того.

– И что произошло?

– Густав меня снова предал. Я так ждала его, а он меня предал! На первом же балу! Вы можете представить себе, что он отказался сражаться из-за меня на дуэли? Какая низость, какое коварство! Оказалось, что ему дороже собственная ничтожная жизнь, чем мое счастье!

Бабушка принесла поднос с двумя чашками чая и жалкой горсточкой печенья на тарелочке с битым бочком. Кларисса хотела, чтобы Кора осознала степень ее бедности. Бабушка поставила поднос на стол.

– Неужели принц Кларенс тоже вам совсем не помогал? – спросила Кора, обводя взглядом комнатку с потертыми обоями, скрипучей мебелью и аккуратно зашитым ковриком с изображением пруда с лебедями.

– Если бы я унизилась до того, чтобы принимать подачки от мужчин, я перестала бы себя уважать, – твердо возразила Кларисса. – Лучше благородная бедность, чем продажное богатство!

Бабушка, все еще стоявшая у стола, принялась хлопать в ладоши. У бабушки были молодые руки.

– Именно поэтому, – продолжала Кларисса, опустив глаза, – тень от длинных ресниц пересекла ее щеки, как тюремная решетка, – именно поэтому я согласилась принять вас и продать вам информацию... Если эти сведения не затрагивают стратегических секретов моей родины.

– Браво! – едва слышно закричала бабушка. Кора смотрела на свою чашку. Пар, поднимавшийся над ней, был чуть-чуть темнее, чем пар над чашкой Клариссы. В воздухе присутствовал намек на запах миндаля и еще какой-то незнакомый, но очень опасный запах. Ну что ж, квартирка Клариссы вполне удобное место для того, чтобы выполнить последнее предсказание оракула. А если труп Кору потом убрать с глаз долой, то ИнтерГполу нелегко доказать, что в ее смерти кто-то виноват. Кларисса перехватила взгляд гостьи.

– Вам не нравится чай? – спросила она. – Вы попробуйте, попробуйте. Останетесь довольны.

– А почему ваша бабушка не составит нам компанию? – спросила Кора. – Она же тоже любит чай.

– Я уже пила, – прошептала бабушка. – На кухне.

– Я настаиваю, – сказала Кора медленно и отдельно, – чтобы ваша бабушка отпила из моей чашки.

– Вы думаете, что я вас отравила? – удивилась Кларисса. – Ах как это пошло!

Краем глаза Кора увидела, что бабушка продвигается к двери.

– Если бабушка не хочет пить чай, – сказала Кора, – тогда давайте поменяемся чашками, уважаемая Кларисса.

– С удовольствием, – ответила красавица, не дрогнув и ресничкой. Она протянула тонкую, украшенную золотыми браслетами руку, взяла чашку, принялась к ней и добавила: – Какая гадость!

После чего молниеносным, но точным движением выбросила чашку в открытое окно.

Раздался отдаленный звон – чашка разбилась о мостовую. И в тот же момент, словно подчиняясь приказу, выраженному этим звоном, бабушка нырнула в окно следом за чашкой. Она прыгнула головой в окно, и Кора лишь успела заметить черные брюки, что скрывались под ее длинной юбкой.

– Вот и все, – сказала Кларисса. – Теперь мы можем продолжить наш разговор. Вы согласны?

Такого противника Коре еще не приходилось встречать.

– Согласна, – сказала Кора, стараясь не перевести неуместной улыбкой драматическую сцену в разряд «черного» юмора.

– Тогда задавайте вопросы, а я буду называть цену... если смогу ответить, – произнесла Кларисса.

Под окном послышался слабый стон. Затем невнятная ругань... Девушки замолкли. Они услышали, как некто побрел прочь от дома, вздыхая и охая при каждом шаге.

– Кто эта «бабушка»? – спросила Кора.

Кларисса закрыла глаза, подумала, распахнула их снова и произнесла с отчаянием, будто сама мысль о деньгах была ей отвратительна:

– Десять золотых!

Кора отсчитала десять монет и оставила мешочек с остальными монетами на столе, у правой руки.

– Этот был тот, кто не терпит, когда его предсказания не сбываются. И он идет на многое, чтобы доказать миру свою непогрешимость.

– Неужели сам мистер Оливер Джадсон, Будда вечной жизни, прыгал в это окно?

Кларисса искренне засмеялась. Отсмеявшись, произнесла:

– По возможности обойдемся без имен, хорошо?

– Хорошо.

– Ваш следующий вопрос?

– Меня интересует, кто хочет убить принца Густава.

– Это слишком сложно! Здесь сталкиваются интересы различных группировок, – ответила Кларисса. – Я не смогу дать вам полную информацию. – Она вздохнула, выговорив такую сложную фразу. Она была собой довольна.

– А приблизительно? – спросила Кора.

– Это обойдется вам... Сорок золотых вас не затруднит?

Кора раскрыла мешочек с печатями банка и стала отсчитывать золотые монеты. Кларисса шевелила изящно очерченными губами, как бы помогая Коре считать.

Затем Кларисса пододвинула кучку тяжелых монет к себе и сказала:

– Приблизительно – дама Рагоза.

Кора приподняла брови, делая вид, что удивлена. Эту версию она уже слышала от Мишеля.

Кларисса неверно истолковала движение бровей Кору, как знак недоверия.

– Но вы не удивляйтесь! – воскликнула она, стараясь честно заработать золотые. – Представьте себе положение, в котором очутилась дама Рагоза! Верхушка кланов недовольна этим принцем. Кому нужны реформаторы с учебниками физики в зубах? Ну ладно, думали, что обойдется, утрясется. Нет, не выходит. Я вам больше скажу – если бы не было этой дуэли, Густаву бы что-нибудь еще подкинули. Ну, там, автомобильную катастрофу, лавину, наводнение... Мало ли способов ухлопать наследника престола? Я думаю, что они давно перетянули герцогиню Рагозу на свою сторону. Не так важно, кто сидит на престоле, важнее, чтобы кто-то на нем сидел, понимаете?

– Понимаю, – согласилась Кора.

– Сначала они придумали, как убить его на дуэли.

– Значит, дуэль была подстроена?

– Кто об этом до сих пор не догадался, тому не место в политике! – сообщила Кларисса тоном молодой императрицы. Не было никаких сомнений, что для себя красавица отводит в политике значительную роль.

– А вы тогда...

– Я – жертва! Типичная жертва.

– Спасибо. Я уяснила.

– И не надо этой улыбки, Кора, – сделала ей выговор императрица. – Не надо усмешечки в глазах. Жизнь – жестокая штука.

– Значит, получается, что Густав всех обманул?

– О, только не воображайте, что он такой хитрый! Он трусил и постарался оттянуть время, потому что Кларенс сделал бы из него отбивную котлету. Зато если он вернется из ВР-круиза, то тогда у всех возникнут дополнительные сложности. Если дуэль состоится и Густава убьют – это хоть и в рамках древних обычаев, но очень пахнет скандалом. Многие поймут, что таким образом убрали законного наследника, а клан не смог его отстоять... Нет, даме Рагозе эта отложенная дуэль как кость в горле. И если она в свое время согласилась на этот план, то теперь проклинает тот день и час. А вот если Густав исчезнет без следа в ВР-круизе, то никто в Рагозе не виноват. И нет скандала. Больше того, клан Рагозы может выдвинуть нового кандидата, например принца Бискера... Знатные кланы на это тоже пойдут – только бы не пропустить Густава. Впрочем, все, кроме меня, будут рады смерти принца Густава.

– Почему же вы – исключение? – удивилась Кора.

– Он моя первая несчастная любовь, – призналась Кларисса. Она сама уже верила в это. – Он меня мучил, а женщины не забывают страданий.

– Густав не может отказаться от дуэли вообще? Отменить ее?

– Только не это! После такого заявления состоится суд чести и тэдэ и тэпэ. Вот если бы он добрался до трона и отменил дуэли, будучи уже королем, им пришлось бы проглотить эту пилюлю... Ох, как я их всех презираю! Надутые индюки, видите ли, по праву рождения призванные кушать омаров и устриц. В то время, когда простой народ...

– Кларисса!

– Двадцать три года как Кларисса! Еще вопросы есть?

– Значит, Рагоза примчалась в ИнтерГпол с требованием спасти племянника...

– Чтобы никто потом не вздумал показывать на нее пальцем как на организатора и вдохновителя этого убийства. С вас, дорогая, пять золотых за дополнительную информацию.

– Это была не информация, а рассуждение.

– Кора, у тебя же в мешке еще сотни две осталось, если не больше. И тебе жалко пяти золотых для бедной девушки?

Кора молча отсчитала три монетки.

Кларисса спросила:

– Может, поставить кофе? Не бойся, у меня своего яда нет.

– Обойдемся. Мне скоро уезжать. А кто рассказал о заговоре против Густава оракулу?

– Десять монет. Авансом.

Кора отсчитала деньги.

– Каждый мальчишка знает, что Густава хотят убить.

– Вы не ответили на вопрос. Мальчишки знают об этом сегодня. Но когда все затевалось, мальчишек и близко не подпускали.

– Я почти уверена, что дама Рагоза хорошо заплатила оракулу, чтобы он сделал такое предсказание. Как бы судьба устами оракула выносит приговор. Красиво?

– Это значит, – заметила Кора, – что ваш друг оракул становится заинтересованным лицом.

– Почему?

– Он не выносит, если его предсказания не сбываются. Его лозунг: «Все мои предсказания сбываются!» Он и меня ненавидит за то, что я ему порчу статистику.

– Во-первых, – заявила официальным тоном Кларисса, – этот оракул мне не друг. Просто он очень навязчивый и умеет пользоваться моей бедностью. Он способен только шипеть из угла или подсыпать людям в чай английскую соль.

– Это теперь называется английской солью?

– Проверьте. Там под окном.

– Молодец, – похвалила Клариссу Кора. – Вы знаете, что наш разговор я записываю.

– Ты была бы кретинкой, если бы не записывала. Твое начальство тогда тебя съест.

– Вы с оракулом надеялись потом забрать запись. Теперь же тебе хочется оставить потомству что-то вроде признания в своей невиновности. Может быть, вы просто хотели пошутить?

– Мы просто хотели пошутить, – послушно ответила Кларисса.

– Последний вопрос, – сказала Кора, – и я вас покину.

– Жалко, – вздохнула красавица. – В мешочке еще столько всего красивого!

– Какую роль в заговоре играет ваш друг Кларенс?

– Не буду снова утверждать, что этот человек мне не друг. Вы все равно не поверите. Но он оскорбил меня, потому что ему нужно мое прекрасное тело, а к моей душе он был равнодушен, представляете?

– Нет, этого я представить не могу. Так он участвует в заговоре?

– Десять золотых.

– Держи.

– А еще лучше пятнадцать.

– Нет.

– Ну хорошо, хорошо! Хотя мне неприятно видеть молодую женщину до такой степени охваченной бациллой жадности.

– Это подотчетные деньги, – сказала Кора.

– Я пошутила.

– И что же с Кларенсом?

– Он слишком глуп, чтобы участвовать в заговорах. Его не позовут.

– А пошел бы?

– Он не выносит всех очкариков и отличников. Густава в первую очередь.

– Спасибо, – сказала Кора. – Мне было приятно с вами познакомиться. Должна признаться, что еще не видела такой красивой женщины.

– От вас это мне особенно приятно услышать, потому что у меня есть основания верить в вашу объективность, – ответила польщенная Кларисса. – Разрешите провести вас через чердак?

– Зачем? – спросила Кора.

– Я хочу, чтобы у вас был хоть малюсенький шанс выжить.

Они поднялись на третий этаж. Маленькая дверца вела на чердак, заваленный старой мебелью и ящиками.

– Ужасно не люблю выкидывать старые вещи, – сказала Кларисса. – Наверное, с возрастом из меня получится скряга.

В темноте белки глаз и зубы Клариссы отсвечивали жемчужно-голубым цветом. Свет ночного городского неба проникал сквозь полукруглое чердачное окошко.

Чердачное окошко заскрипело, заныло так, что слышно было, наверное, за три квартала. Они подождали еще несколько секунд. Кора нащупала в темноте длинные холодные пальцы Клариссы и пожала их.

Крыша была скользкой и мокрой от росы или недавнего дождя. На соседней крыше орал кот, облака неслись стайками, по очереди показывая обе Луны: розовую – побольше и маленькую – голубую. У пожарной лестницы в переулке Кору поджидали. Но ей повезло, они были так уверены в своем успехе, что не стреляли, пока она не опустилась на землю, – видно, хотелось потешиться. Так что Кора, почувствовав их тени и дыхание, прыгнула со второго этажа и застала их врасплох. Она кинулась бежать по переулку, ей стали стрелять вслед, но опоздали.

На улице ее поджидала машина – черная, низкая, бронированная. Она перекрывала выезд из переуллка. Кора разбежалась и прыгнула руками вперед; пролетев над машиной и опустившись на землю, она клубком покатила в подворотню.

Прицельно по ней стрелять не могли, но нападавших было так много, что кто-то обязательно в нее попадет. За подворотней был проходной двор, в нем преследователи потеряли ее – на две или три секунды.

У следующих ворот, выходящих на параллельную улицу, стоял микробус. Дверца с ее стороны была открыта. Кора с разбегу прыгнула в дверь, и микробус рванул вперед, набирая недозволенную скорость.

Кора спросила Мишеля:

– Как вы меня нашли?

– А мы решили, что если вы будете убегать от Клариссы, то обязательно побежите этим двором, – сказала Вероника. – Я училась здесь в школе, и мы всегда бегали в кино этими дворами.

Кора не стала больше ничего выяснять. Она не решила для себя достаточно важный вопрос: оказались ли убийцы возле пожарной лестницы, потому что Кларисса подсказала им, что Кора будет уходить по крыше? А может быть, Вероника и Мишель оказались у этой подворотни, потому что Кларисса бегала в кино из школы вместе с Вероникой?

До Космопорта они домчались без приключений. Там Мишель провел Кору служебным ходом к местному рейсу, уходящему через полчаса к соседней планетной системе. Ждать более удобного рейса было нельзя, потому что по радиосвязи уже был объявлен розыск жительницы Земли Кору Орват, которая в припадке безумия пыталась ограбить и убить бывшую мисс Рагозы Клариссу К.

* * *

– Как мне сказал агент Космофлота, моя несбывшаяся смерть – первое неудачное предсказание оракула Провала за последние годы, – сказала Кора, заканчивая доклад Милодару о краткой командировке в королевство Рагоза.

Комиссар слушал Кору не очень внимательно – какая-то часть его сознания была занята мыслями о невестах-пловчихах, о чем он намеревался рассказать Коре, как только она закончит отчет о командировке. Он находился в трех тысячах километрах от московской базы ИнтерГпола «Узкое», где Кора приходила в себя в массажном кабинете после рискованных приключений в Рагозе, поэтому голографическое изображение комиссара порой начинало дрожать или даже двоиться. Вернее всего, комиссар опять укрылся в бассейне для синхронного плавания в Таганроге. А связь с Таганрогом всегда плохая.

И тем не менее комиссар не упустил главного в докладе Кору.

– Итак, – сказал он, дослушав ее до конца, – ты не выполнила задания. Как всегда.

– Не выполнила, – согласилась Кора. – Как всегда.

Массажистка Татьяна, женщина добрейшей души, фигурой и силой схожая со штангистом тяжелого веса, перевернула Кору на спину, чтобы пересчитать ребра с передней стороны тела. Тут она увидела на боку пациентки кровоподтек такого размера и интенсивности, что воскликнула:

– Ратуйте, люди добрые!

Родом Татьяна была из-под Николаева, и, хоть жизнь и профессия кидали ее из конца в конец Солнечной системы и даже за ее пределы, каждое лето она проводила отпуск в родном селе, где ее муж ловил бычков в лимане, а все три дочери умело сводили с ума местных парубков.

Милодар вздрогнул и схватился за бластер, но тут же вспомнил, что ему ничто не грозит, и пригляделся к Коре. Нельзя сказать, чтобы он ее пожалел, – сердцу комиссара Милодара чужда жалость. Если будешь жалеть каждого агента, некогда будет работать и расправляться с врагами Галактического союза, но удивление он все же выказал.

– Чем они тебя так? – спросил он. – Бульдозером?

– Честное слово, я не запомнила, – призналась Кора. – Я там успела попасть в несколько переделок. Вероятнее всего, это от последней. Они взяли меня в кольцо ротой снайперов, а я, как назло, спускалась по пожарной лестнице.

– Возвращаемся к делу, – сказал комиссар, взглянув на часы. Тренировка его невест заканчивалась, и ему хотелось проводить их до гостиницы, чтобы они не успели познакомиться с кем-нибудь из приезжих турецких спортсменов. – Ты уверяешь, что оракулу сообщила о покушении дама Рагоза, а я тебе говорю, что ты пошла на поводу у дезинформаторов. Дама Рагоза произвела на меня приятное впечатление.

– Все же я полагаю, – сказала Кора, – что Кларисса права: оракул узнал об этом покушении от дамы Рагозы и превратил его из сплетни в факт общественной жизни. Этот человек страшно избалованный, самовлюбленный, спесивый, но он достаточно умен, чтобы тщательно следить за обстановкой в королевстве. Убийство Густава, история с его злосчастной дуэлью и ВР-круизом для такого оракула – золотая жила. И конечно же, он не смог остаться в стороне.

Татьяна мягко и решительно разминала бок Кору, той было больно, но надо было терпеть, потому что Татьяна была остра на язык и даже самые жесткие из агентов остерегались показать слабость в ее ручищах.

– Вот я и говорю, что ты не выполнила задания, – повторил Милодар.

– Если бы вы думали, что все так просто, что я прилечу в Рагозу и там мне выложат факты и домыслы на золотом блюде, то вы бы не начали работу с похода на стадион «Уэмбли» в Лужниках, – заметила Кора.

Татьяна резко перевернула ее на живот, чтобы заняться ссадиной на бедре. Из шкафа по знаку Татьяны выскочил маленький юркий робот – много рук, а тела нет, – вскарабкался на жесткое ложе и принялся обрабатывать поверхностные раны Кору.

– Мне самому хотелось побывать в виртуальной реальности, – сказал Милодар. – Это интересно и поучительно. Для тебя также.

– Не притворяйтесь, комиссар, – возразила Кора. – Ради моего удовольствия вы бы и пальцем не пошевелили. Особенно когда влюблены в синхронных пловчих.

– Это видно?

– Это видно всей Земле, – ответила Татьяна. – Скорее бы вы женились.

– Но на ком из них? – деловито спросил Милодар.

– И это чоловик? – спросила Татьяна у робота. Но тот не умел говорить. Может, поэтому Татьяна спросила именно у него.

– Ну хорошо, хорошо, – отмахнулся от женщин комиссар, – я с самого начала понял, что дело непростое, тем более что оно взято под контроль Галактическим центром. И дама Рагоза меня встревожила... Повтори, что сказала Кларисса о ее возможной роли в заговоре против Густава?

– Пленка с записью уже отправлена к вам и, вернее всего, лежит в правом верхнем кармане вашего костюма, – мягко ответила Кора.

– Я лучше тебя знаю, что и где у меня лежит... – Комиссар замолк и сделал шаг вперед, то есть это его голограмма сделала шаг вперед. – Кора, – спросил он встревоженным голосом, – отвечай, только честно, что за красная сыпь у тебя на правой ягодице?

Кора не могла ответить, потому что в последние дни не рассматривала это место своего тела. За нее ответила Татьяна.

– Осколки разрывной пули на излете, – сообщила она. – И вообще-то не чоловічье это дело – рассматривать девичий зад. Вот оденется, тогда и бачите.

– Татьяна Петровна, мы с вами на службе, – строго сказал Милодар. Он был разочарован тем, что его мелкая месть не удалась.

– Кларисса считает, что дама Рагоза более всех заинтересована в смерти племянника. Ей не нужен опозоренный племянник, ей не нужен убитый на дуэли принц. Ей нужно сохранить власть кланов. Ради этого она готова на все.

– Парадоксально, но убедительно, – согласился Милодар. – Кто у нас еще в списке подозреваемых?

– Разумеется, остается Кларенс. Ему нужен трон. Конечно, у него есть шансы добыть его после дуэли. Но не меньше шансов получить его, если Густав пропадет без вести в ВР-кризисе. К тому же он не выносит Густава. Впрочем, Кларенса я не смогла увидеть.

– Еще одно упущение! – сказал Милодар. – У тебя были сутки. За сутки Наполеон взял Бастилию.

Познания Милодара в истории оставляли желать лучшего, но апломб его был бесспорен.

– Это кто такая – Бастилия? – спросила коварная Татьяна.

– Его первая жена, – коротко ответил комиссар. – Кто еще у нас в подозреваемых?

– Мы знаем тех, у кого есть явные основания хотеть смерти Густава. Найдется еще немало людей, которые желают его смерти, но нам о том не поведали. Боюсь, что к их числу относится красавица Кларисса.

– Откинем желающих, – сказал Милодар. – Нам нужнее всего те, кому его смерть выгодна.

– А Бастилии смерть Наполеона была выгодна? – спросила Татьяна.

– Татьяна Петровна, попрошу не вмешиваться в деловой разговор! – рявкнул комиссар. – При чем тут смерть Наполеона?

– А разве она его не отравила? – спросила Татьяна. Кора попыталась незаметно ущипнуть разошедшуюся массажистку, но пальцы лишь скользнули по каменному бедру.

– Она у него была не последняя жена! – сообразил Милодар.

– Та ж, конечно, простите, дядечку, – спохватилась Татьяна. – Я ж запомнила, что он помер на Елене.

– Вот именно! – подытожил комиссар. – И учти, что я имею моральное право не знать деталей из жизни полководца древних времен. Прошло четыреста лет, как он взял Москву.

– Триста, – поправила его Кора.

Милодар сделал паузу. И снова посмотрел на часы.

– Хорошо, – сказал он. – Как диалектики, мы должны с тобой понимать, что даже в неудаче есть свои достоинства. Все же ты побывала в их гнезде, посмотрела на них, познакомилась кое с кем, запомнила их физиономии. Может быть, пригодится в расследовании. Завтра отдыхаешь, проводишь время в медицинском центре, затем отправляешься в Древнюю Грецию.

– А он уже там? – неудачно спросила Кора, чем вызвала вспышку сарказма своего шефа.

– А ты что думаешь, – спросил он, – если бы он еще ходил на лекции в университет, мы бы его пустили в ВР-кризис? Разумеется, вся суэта началась, потому что он уже там. Он уже давно там! Со дня на день он достигнет совершеннолетия и отправится в путешествие. Тогда он будет открыт всем опасностям и бурям.

– Он поднимет скалу и достанет сандалии? – спросила Кора.

– Я вижу, что ты кое-что прочла из литературы, которую я тебе рекомендовал?

– А как же меня туда отправят? – растерялась Кора. – Кем я буду?

– Об этом ты узнаешь завтра в семнадцать ноль-ноль, когда у тебя назначено свидание с президентом концерна «ВР» доктором Гермесом-Полонским. Подробности завтра. Отдыхай, лечись. Мне пора.

Комиссар начал медленно растворяться в воздухе. Когда от него осталось лишь слабое сияние, он вдруг заговорил вновь, только голос его звучал глухо и отдаленно:

– Когда будешь писать финансовый отчет, напиши заявление о том, чтобы стоимость подаренной автомашины твоим друзьям из агентства Космофлота была вычтена из твоей премии за раскрытие дела об убийстве Тесея.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.